

Зинзивер № 1 (139) 2024

2024
Санкт-Петербург

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА, СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
И ХОЛДИНГА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

**Издатель Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)**

Председатель Редакционного совета
Тамара Буковская

Редакционный совет
Тамара Буковская, Ольга Денисова,
Ольга Ефимова, Евгений Степанов

Главный редактор
Евгений Степанов

Редакция
Ольга Денисова
Ольга Ефимова
Галина Илюхина
Фёдор Мальцев
Валерий Мишин

Адрес:

**Союз писателей XXI века
(сайт www.writer21.ru)**
Бизнес-центр «Калейдоскоп»
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводский проезд,
д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Редакция журнала «Зинзивер»
Степанову Евгению Викторовичу

**Сайт журнала: <http://www.zinziver.ru>
Эл. адрес редакции: zinzivier@mail.ru**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	4
--------------------------	---

ПОЭТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Валерий СКОБЛО. Образ жизни. Стихотворения	5
Светлана ЕРЕМЕЕВА. Черно-белый гербарий. Стихотворения	11
Михаил КУЗЬМИН. Театр одного актера. Стихотворения	21

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Сергей ПОПОВ. Правила игры. Стихотворения	37
Сергей БИРЮКОВ. В разрез времен. Стихотворения	47
Александр В. БУБНОВ. ...до неприкаянных пор, пока... Стихотворения	52
Любовь БЕРЁЗКИНА. Из будущих слов. Стихотворения	58
Евгений СТЕПАНОВ. И пришла пора иная. Стихотворения	64

ПРОЗА

Эвелина АЗАЕВА. В купе. Рассказ	70
---------------------------------------	----

ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ

Евгений СТЕПАНОВ. Письма-автографы Тамары Жирмунской	77
--	----

ПАРОДИИ

Евгений МИНИН. Пародии на Санкт-Петербургских и др. поэтов	80
--	----

РЕЦЕНЗИИ

Наталья Морсова, «Пушкин. Лермонтов. Невольники дерзновенного духа» (Ольга ЕФИМОВА)	
Дмитрий Артис, «Дневник добровольца» (Наталия ТЕБЕЛЕВА)	84

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие читатели и авторы!

Петербургская нота в нашем журнале — основная.

Так было и так есть.

Я рад, что в этом номере — четыре поэта и один прозаик из города на Неве.

Но мы не забываем и другие города.

Журнал открыт для всех талантов.

Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ

ОБРАЗ ЖИЗНИ

* * *

Не грусти и гони в шею сплин,
И ходи, коли хочешь, на танцы.
Не выискивай тонких причин,
Не примешивай высших субстанций.

Умным книжкам, мой друг, не внимай,
Фрейд и прочие... мир зазеркальный.
Что для них этот вечер и май?.. —
Скажут так: Дисбаланс гормональный.

Не даю я советов, не жди.
Лишь одно и скажу, провожая:
Жизнь свою, как желаешь, сожги —
Ведь твоя эта жизнь, не чужая.

Проклянешь ведь за всякий совет,
В одиночестве старость кукуя.
...Повторю эту глупость, мой свет:
Не давай без любви поцелуя!

* * *

Кем я уж точно не был — ангелом во плоти.
Впрочем, и дьяволом не был, я очень надеюсь, тоже.
Все женщины подразумевали: сначала плати!
Я не деньгами платил... что всегда обходилось дороже.

И на сегодняшний день я подвожу итог:
Не сходятся дебет с кредитом — что за фигня такая?
Ни к себе, ни к другим не был по жизни особо строг,
А список претензий возник, угрожающе нарастая.

* * *

Я бы из прошлых своих подружек женился на всех,
Если бы только они молчали... побольше молчали.
Кажется милым их щебет, ужимки, радостный смех —
В самом начале знакомства... только лишь в самом начале.

Но что-то в их хитром устройстве, в самой их глубине
Мешает следовать самой верной тропинкой к успеху.
Это ведь кажется, если припомнить, не только мне,
Относится совсем не только к их болтовне и смеху.

Тут мы ступаем на зыбкую почву всяких легенд,
Домыслов диких... что, мол, женщины — не совсем и люди.
Да надоел мне весь этот джаз, форменный диксиленд —
Лучше мы в эти материи углубляться не будем.

Я бы на каждой женился — точно скажу вам — о, да!
Да не в мои паруса дул тогда судьбоносный ветер.
Умная и болтушка подхватила меня тогда...
Увы! молчаливых дурочек в те времена не встретил.

* * *

Если каша во рту, от природы ты косноязычен,
Преодолеть не пытайся этот порок.
К насмешкам притерпишься скоро,
станешь к ним ты привычен,
Спотыкаясь, бубня перед классом урок.

Но, конечно, если честолюбив, как Буонопарте,
И решил, что порок сей тебе не с руки,
Тогда день напролет повторяй текст,
лежащий на парте,
Набрав себе в рот камешки и черепки.

Перед тобою тома, толстых книжек античных гряда...
Ждешь и в себе, и в речи своей перемен.
После долгих трудов убедишься: не случилось чуда.
Скажешь себе в оправдание: ...не Демосфен.

Не для тебя теперь слава и популярность, сестрицы,
Гул восторга, плеск оваций со всех сторон.
Но, с другой стороны,
 дочитай до последней страницы:
Как они кончили — Демосфен... Цицерон?

* * *

Сiju... думаю, непонятно о чем,
Конец января, за окном ненастно.
Пустыками всякими я увлечен,
Как всегда, бессмысленно и напрасно.

Эта зима — последняя или нет?
И весну еще я увижу... или?..
Впечатление, что притушили свет...
За окном редкие автомобили.

Опутан вопросами о ерунде.
Тоже загадка мне: время и место.
Ну, какая разница — когда и где?
Это ведь скучно и неинтересно.

А важно лишь: откуда пришел сюда?
Выдернула оттуда что за малость?
Что за случай пустой... катаклизм, беда?..
...И что там вообще без меня осталось?

* * *

Я почти не практикую теперь телепатию и телекинез.
Передавать вам мысли свои? —
 навряд ли вы в них хоть что-то поймете.
А ваши так просты, понятны и неинтересны мне, что и без
Всякой передачи на расстояние от них, как в птичьем помете.

Что касаясь передвижения предметов силою мысли, то
Они и сами передвигаются в направлении больших денег —
Это сильнейший магнит.
 Не приманишь теперь из магазина пальто.
В смысле парапсихологии этой я полнейший теперь бездельник.

А когда-то я все это запросто мог. Собственно, и теперь могу.
Но способность ущербна теперь,
 в ней провалы, пустоты, зияния.
Мои современники на одном, а я совсем на другом берегу,
И общаться почти нет возможности и еще меньше желания.

В этом, если подумать,
 в общем, нет и трагедии совсем никакой.
Да я ведь не столько к другим,
 сколько к себе требовательней и строже.
А прекрасному будущему с берега своего помашу рукой...
И наплывает прошлое, что настоящего намного дороже.

* * *

Веры с надеждой имею на грош.
Знакомые думают: Да... хорош...
Его словно затягивает воронка.
Образ жизни явно ведет не тот,
Закопался в глупостях, точно крот,
Книжка?.. Так себе, между нами, книжонка.

И это все именно точно так.
Днем почти такой же, как ночью, мрак.
Так и так — одинаково темновато.
По ощущениям — вечер сплошной,
Уж образ ли жизни тому виной?
На выход нету лучшего кандидата.

И пользы от моих занятий — ноль.
Кличут не зря: перекатная голь.
Что и взять с меня, старого идиота?
Пью, наверно, не то, не то я ем.
Веры с надеждою нету совсем...
А верю я, вот... и надеюсь на что-то.

* * *

Все 12 (без малого) соток, что мне отвели садоводы,
30 метров на 40 — такой необъятный громадный мирок,
Не пытался отнять я у матери нашей родимой — природы...
Что от прошлых хозяев досталось, я даже того не сберег.

Но зато не выкапывал сосенки, ели, дубки или клены —
Что ко мне занесло, то пускай и растет, сам покуда живой.
У меня здесь — свой кодекс,
поправки к законам и сами законы,
Сам решаю, кто свой мне, а кто изначально враждебно чужой.

Не гоню ни ворон, ни сорок,
ни скворцов, ни дроздов вороватых,
Что готовы в азарте склевать черноплодки моей урожай...
А ведь мог бы я птице сказать:
не твои здесь ни двор, ни палаты,
Если хочешь рябину клевать, то сама ты ее и сажай!

Ну, а птичка бы мне отвечала: да шел бы ты, дедушка, лесом.
Ты и сам-то не свой... погляди:

истрепался за жизнь свою весь...

С нею я соглашусь.

Оглянусь на деревья и птиц с интересом,
Прежде, чем сделать шаг за черту...

Только жаль, закопают не здесь.

* * *

Одна... чуть знакомая... шлет мне свои стихи.
С ее-то талантами впору была бы прялка.
На меня льется столько всяческой чепухи...
Какая курица!.. Но как ее все же жалко.

И просит ответить, стихи оценить... о, да!
Не прихожусь ей ни сватом, ни братом, ни кумом.
И все ее глупости... пошлая ерунда...
Голову мне заполняют рокочущим шумом.

Что же такое?.. за что эта мука? — скажи!
Что мне ответить?.. Какими утешить словами?
Хочется обойтись, в общем, без явственной лжи...
И не обидеть... что трудно — скажу, между нами.

Тяжко стихами назвать это месиво слов,
Мыслями тошно назвать это средневековье.
Но ведь у куриц этих... даже скажу: коров —
Тоже есть чувства... и они отнюдь не коровьи.

Мучу ответ... как по минному полю ползу.
Душно и томно... к спине прилипает рубашка.
...Будет точнее: по минному полю — в грозу...
Вы и представить не можете, как это тяжело.

ЧЕРНО-БЕЛЫЙ ГЕРБАРИЙ

РОЗА

Летит незримый аромат
Из глубины ночной тиши
Передвигаются неслышно
Тычинок острые шипы
И лепесток за лепестком
Пересекаются незримо
Мои мечты
Твои мечты
Грядущее необратимо

Ты — роза
Посреди небес
Во мраке светишься
Прозрачно
Я руки протяну к тебе
И прыгну в необъятность
Счастья

НЕЗАБУДКИ

Над миром распустилось
Солнце
Тысячи цветов
Застыли ослепленные
Затихли, замерли
В потоке тишины
Огонь неиссякаемым потоком
Льется
То вспыхивают, то гаснут
Сны

И незабудок фейерверк
Взорвется
В лазурно-голубое
Мечту раскрасив
Кровь в жилах стынет
Сердце бьется
Я помню до сих пор
Как мир прекрасен

ВЕРЕСК И ЛОТОС

Вереска аромат
Окутал космос
Головокружение дымится
В колыханье тьмы
Раскрылся лотос
Звон вибрирующих
Лепестков искрится

Вереска поля
Растают
В безвозвратно синей
Глубине
Где цветок пылающий
Мерцает
В неземной как счастье
Тишине

НАРЦИСС

Он отражается в воде
Как в зеркале
Заговоренном
В которое так хочется смотреть
Как в пропасть вглядываться
Бездонную

Нарцисса желтый глаз
Подглядывает
За тем, кто исчезает
Там, внизу
Дрожит цветок
И капли падают
В благоухающую тьму

МАК

Пылает мак
В пучине мрака
Гипнос замороженный спит
Он видит город
Опаленный страхом
И реку бурную
Что словно кровь кипит

Взлетает птица
С дерева обугленного
И улетает
В страстный океан
Ночного неба
Мак гремит как бубен
И поцелуй дымится
На губах

ВЬЮНОК

Вьется вьюнок
Змейкой прозрачной
Застыл над окном
Взгляд леденящий

Мне не больно смотреть
На огненный шар
Тонет взгляд
В изумрудно-лиловых лучах

Вьется змейка шальная
Цветок за цветком
Неба синь прорастает
Нездешним выюнком

ЦВЕТОК АПЕЛЬСИНА

Цветка апельсина
Поет аромат
Все крылья слетаются
На маскарад

Треугольные попугаи
Квадратные петухи
Заводные
Колибри
Читают стихи

На ветке зеленой
Факел расцвел
Гудит над цветами
Созвездие пчел

ХРИЗАНТЕМЫ

Хризантем кристаллы
Над землей сверкают
Словно кровь алая
Медленно иссякают

С небом сливаются
Прозрачные льдины
Фантомы хризантем
Теряют силы

Таят под Солнцем
В пар превращаясь
На гербарном листе
Лишь тени остались

ЦВЕТЫ ГРУШЕВОГО ДЕРЕВА

Груша цветет
За окном запыленным
Вижу, как птицы
Таятся в ветвях
Солнце печет
Кот валяется сонный
В высокой траве
У большого ствола

Белые словно хлопок
Цветы
Лопаются медленно
Лепестки раскрывая
Кот прищурившись
Смотрит
Ему слышны
Все мысли мои
О Потерянном Рае

ОДУВАНЧИК

Белые зонтики
Летят по небу
Хор птиц перелетных
Похож на реку

По течению бурному
Лодка плывет
Одуванчик
В сердце моем
Растет
Я вижу два берега
Под синим небом
Ты на правом стоишь
Я осталась на левом

ЦВЕТОК ПЕРСИКА

В саду моем
Персик расцвел
Розово-белые сети
Заманивают
Гудящих пчел

В траве изумрудной
Уснула
Как будто бы умерла
В бездонный влетела
Улей
Черная как пчела

Персика аромат
Пролился
В самую глубину
Души
Я хочу, чтобы сон
Длился
До затмения
Тишины

РОМАШКА

Лепестки падают на траву
Я медленно иду по саду
Слово еще не стерлось:
Люблю
Не перечеркнулось
Безоглядно

Белая ромашка
Мой свет
Солнце непрерывное льется
Руки в зеркальной воде
Сердце оголенное
Бьется

Мне хочется растаять
В лучах
Переплестись с лепестками
Чтоб не осталось следа
От черной как пепелище
Печали

КУВШИНКА

На лодке плыву
По зеркальной воде
Брызг холодных
Не чувствую жжения
Ведь вода из стекла
И все чудится мне
Неземной глубины
Притяжение

Расцвела посреди
Водоворота
Кувшинка
Лепестки как воронка
Вращаются бешено
Я гляжу в самый центр
На пестики и тычинки
И сердце сжимается
До безумия
Нежно

АСТРА

Астра вспыхивает как звезда
Золотые лучи кружатся
А внизу летят поезда
Люди на площадях толпятся

Темно-синий цвет почернел
Золотится ярко-красное пламя
Астра вспыхивает на белом огне
Все ближайшие созвездия обжигая

Я сорвала запыленный цветок
И поставила в прозрачную вазу
Горький словно слеза лепесток
Притаился в уголке глаза

ПОДСОЛНУХИ

Солнце вращается
Безоглядный круговорот
Карусель безумная
Головокружение
Все поле в подсолнухах
Пчелиный мед
Льется из центра вращения

Я подставляю ладони
И жду
Теплых янтарных капель
Цветут подсолнухи
И жужжит на ветру
Лета крылатый запах

ЦВЕТЫ ВИШНИ

Крылья бабочек-капустниц распустятся
Задрожат на зеленых ветвях
Бело-розовые излучения грусти
Сотни широко раскрытых глаз

Вспыхивает с утренними лучами вишня
Медленно весна идет по саду
На траву в изнеможении ложится
Изумрудные глаза закрывает

Солнце поднимается высоко
Диск вращается
Ослепительным водоворотом
В небе вишня из сада цветет
Спит весна, устав от полета

ДВУЛИСТНИК ГРЕЯ

Сквозь сеть дождя
И сонную прохладу
Я вижу лепестки
Прозрачного цветка
Не сон, не волшебство
Реальности звезда
Дрожит на стебле тоненьком
Устало

Стеклянные прожилки
Дребезжат
На северном ветру
Игриво
Двулистного дождя
Струится аромат
Над серым полотном
Залива

ТЮЛЬПАН

Над городом
Горит тюльпан
Огненно-красный
Ослепительный
В оцепенении
Самолеты пролетают
Рассеиваются
Серебряные нити

Рука прозрачная
Цветок срывает
И аромат разносится
Неуловимый
Фантом ольфакторный
Посланник Рая
Сон вечный
Непреодолимый

ГВОЗДИКИ

Гвозди протыкают небеса
Красные водопады падают
Окрашивая Землю
В цвет алый

Гвоздика словно вопль расцвела
Посреди угасающего сада
В нем птицы наполовину стерты ластиком
И цветы не прорисованы как надо

Я старый альбом закрываю
И выхожу из дома в сад
Мне гвоздик из гвоздей не надо
Протыкающих до крови небеса

Поэт, журналист, художественный критик. Автор книг «Дом, отапливаемый утопиями», «Дневные листья — ночные корни», «О. поэтах. и. о. поэзии», «Летопись молчания», «Я жалею о своем воображении» (Mi lamento della mia immaginazione — билингва), «Расстояние между галактиками» (Galaksien välisestä etäisyydestä — билингва), «Музей разогнанных облаков». Живет в Санкт-Петербурге.

ТЕАТР ОДНОГО АКТЕРА

НЕБЫТИЕ

Кто-то сказал,
что небытие — это
старший брат бытия.
Почему старший?
Я полагаю,
что младший.
И не брат,
а просто сосед
по Вселенной.

В МИРЕ МЕТАФОР

А вот это:
боль преждевременных утрат.
Вы еще с ней
не знакомы.
Это и понятно:
она боится
показаться на глаза,
любит прятаться
за многоточиями
и вопросительными знаками.

Никогда не празднует
своих дней рождения
и когда ей напоминают
о преждевременных утратах,
она тут же бежит
в железнодорожную кассу
и покупает дюжину билетов
в далекое прошлое.

УРАВНЕНИЕ С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

Театр одного актера
страшно одинок
Театр одной актрисы
ужасающе печален
А театр одного режиссера
уж полон
ложи блещут...

ВОПРОСЫ ДЛЯ ЕДИНОГО ЭКЗАМЕНА ПО НРАВСТВЕННОСТИ

1. Как вы приняли сексуальную революцию?
2. Стали ли вы ее активным участником?
3. Обогастила ли вас сексуальная революция знаниями всех тех богатств, которые выработало человечество?
4. Легко ли вам было нести гордое имя Homo Sapiens во время сексуальной революции?
5. Вас не мучили приступы одиночества и романтической тоски, когда сексуальная революция завладела умами и телами всего человечества?
6. Признайтесь честно, кем вы были во время сексуальной революции: мужчиной, женщиной, бессловесным роботом или грязным животным?

7. Почему,
будучи активным участником
сексуальной революции,
вы все-таки переметнулись
в лагерь контрреволюционеров?

8. Собираетесь ли вы,
сочиня любовные мемуары,
слегка приукрасить
свою роль
в сексуальной революции
или же ограничитесь правдой,
только правдой
и ничем,
кроме правды?

НЕ ВСЕ МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

Ландыш мечтает
стать розой
Гвоздика хочет быть
георгином
Роза смотрит по TV
фильм о кактусах
и неожиданно
для всего семейства
розоцветных
выходит замуж
за турнепс
с соседнего огорода

* * *

Отличное название
для торта:
Скука

а еще лучше —
Суета сует.

Мне
пожалуйста
две Скуки

А мне —
три
Суеты сует

СПОКОЙНОЙ НОЧИ!

Мне сегодня
столько снов
приснилось!
Среди них
есть и прогрессивные.
Это какие?
Ну, это те,
в которых
добро
побеждает зло.

* * *

У тактильности —
такты,
а у жизни —
все-таки ритмы.

ПРОГУЛКА ПО МУЗЕЮ

Изящная коллекция глупых страхов.
Потрясающая квинтэссенция
осторожности и терпения.
Стройные ряды одинаковых ошибок.
И уже на выходе:
забытые кем-то предметы
наглой роскоши
и примитивного отдыха.

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Вот губы —
здесь я задыхаюсь.
Вот щека —
здесь я согреваюсь
рифмами
своими и чужими.
Вот нос —
здесь я изучаю
геометрию:
угол падения
и отражения.
Вот объятия —
здесь мы живем
до утра.
В ожидании
первой электрички
и последней сигареты.

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ

Эти книги
я подарил
совершенно незнакомым людям,
когда узнал,
что именно в них
они нуждаются:
«Игра в классики» Хулио Кортасара
«Белка» Анатолия Кима
«Дневник» Жюль Ренара
«Начертания города Мимо» Юлии Кокошко
«Герои и еретики» Берроуза Данэма
«Предтеча» Владимира Маканина

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

Опаздывая на автобус,
я перебежал дорогу
черной кошке,
и через минуту
она сдохла.

Целуя любимую девушку,
я прокусил ей
нижнюю губу,
и меня пригласили на роль
сексуального маньяка
в новом многосерийном
телефильме.

Прогуливаясь
по экзотическим местам,
я выбросил окурок
в траву,
и сгорела
африканская саванна.

Без тренировок
я сбил всех уток
в подвальном тире,
и деятели международной мафии
предложили мне
осуществить отстрел
нескольких конгрессменов.

Во сне
я вырвал
седую прядь
своих волос
и утром проснулся
помолодевшим
в Лондоне
в музее восковых фигур
Мадам Тюссо.

* * *

Болен! Здоров!
Болен! Здоров!
Болен! Здоров!
О, сколько
неподдельного гуманизма
в этих чеканных
формулировках!
Я не устаю
ими восхищаться,
даже когда
сам болен.

ГЕНИЙ

Он обладал
потрясающей способностью
мгновенно подводить итог
своей
еще не до конца
прожитой жизни.
Когда его спрашивали:
— Как жизнь?
Он, не задумываясь, отвечал:
— Никак.

НЕТОЧНАЯ ЦИТАТА

О, да, мой друг!
О, да...
Покоя сердце просит
да так
жалостливо,
что невозможно
отказать.

ULTIMA RATIO

Все свое
выношу
на свалку истории:
вместе с самим собой.

КОПАЯСЬ В ПАМЯТИ

Так
или не так
сказал Рене Магритт:
Поэт — это тот,
кто верит,
что если на все
четыре ножки стула
надеть ботинки

и тщательно их
зашнуровать,
то стул
побежит гулять
в ближайший лес
или парк.

НЕСМЕШНАЯ ИСТОРИЯ, ИЛИ МАГИЯ ЧИСЕЛ

Встретились
однажды днем
333 анекдота.
Стали рассказывать
друг другу
про свою жизнь.
Так увлеклись,
что проболтали
до полуночи.
И никто из них
за все время разговоров
так ни разу
и не рассмеялся.

ИЗ НОВОГО БЕСТИАРИЯ

СОБЛАЗН —
хищный зверек.
Охотится
на тех,
кто его крупнее
и сильнее.
Сам жертву
не ищет.
Это она
его находит.
Насытиться
не может,
поэтому и охотится,
не переставая.

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

*У глупого ум после полудня слегка пошаливает,
но уже к вечеру успокаивается.*

Не совсем ацтекская мудрость,
Скорее, суахильская скороговорка.
Оригинал в процессе реконструкции.
Глаза — зеркало глуши и чащобы.
Не совсем русская народная мудрость.
Скорее, папуасское примечание
к одному из интернациональных законов джунглей.

Воду лей так, чтобы в водоворот затянуло!

Не совсем литовская народная мудрость,
Скорее, эфиопское проклятие.
Оригинал затянуло в водоворот
в процессе реконструкции.

У журчащей воды — чистое прошлое.

Не совсем мальгашская мудрость.
Скорее, перуанский архетипический каламбур.
Оригинал находится в процессе очистки
от обценной лексики.

Рыбак может изменить жене, но не морю.

Не совсем исландская народная мудрость,
Просто пьяная шутка норвежских рыбаков.

*Вода мутится с истока,
человек — с центральной нервной системы.*

Не совсем народная и не совсем английская мудрость.
Скорее, австрийская, даже венская,
в смысле, абсолютно фрейдовская...

Два сапога пара, две ноги — инсталляция.

Не совсем финская народная мудрость,
Скорее, швейцарский
или даже итальянский
дизайнерский проект.
Выставлялся во всем мире
многократно.

* * *

Стиль — это
сам поэт...
Нет, не сам...
Это я,
редактор,
переводчик,
критик
создаю из его стихов
настоящие шедевры.

ОТКРЫТИЕ

Баба-Яга
и девушка Йога...
Неужели это
один и тот же
человек?

ПРОГРАММА НА НЕСКОЛЬКО СТОЛЕТИЙ НАЗАД

- Критика чистого разума
- Похвала грязным постулатам
- Приказ по всем утраченным иллюзиям
-
-
-
- Расстрел всех тех кто пишет лирические стихи

* * *

О чем свидетельствуют
ваши постоянные встречи
с абсурдом?
О том, что я не умею
от него уклоняться.

ВИДЫ СТРАХА

Разбавленный страх —
не новая
но пока еще
малоисследованная субстанция,
продается
в каждом супермаркете,
и в бутылках — тоже.
Концентрированный страх,
а значит,
и наиболее полезный,
нигде не продается.
Он скапливается
в нижней части
позвочника
рядом с копчиком
и дает о себе знать
в самые пугающие
моменты бытия.
Например,
когда гремит гром
и молния попадает
в стоящее
рядом с нами
дерево.

ИЗ ЖИЗНИ ЮМОРИСТОВ

Смех заразителен...

Искренность
моего смеха
я попытался усилить
его громкостью.

Этот трюк удался:
ты мне поверила
и тоже рассмеялась —
от души.
А это уже совсем
другой смех,
и его не нужно
изучать
под микроскопом.

ЗАДАЧА ДЛЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Возможно я — поэт
Конечно я — поэт
Не сомневайтесь я — поэт
Никто и не спорит
что я — поэт

Когда я умираю
то я действительно поэт
ибо я умираю
как поэт

Но буду ли я поэтом
если умру
на самом деле?

ЛЮБЯЩИЙ МУЖ

На вопрос своей жены
«Твоя жизнь удалась?»
он уверенно ответил:
— И твоя — тоже!

ПОП-АРТ

Он был одиноким,
тот художник,
который откусывал по кусочку
от головки сыра
и сделал ее похожей
на женскую грудь.

Он был гуманистом,
тот художник,
который первым заметил,
что нога отдавленная
в переполненном автобусе
и выставленная в галерее
современного искусства, —
зовет на помощь.

Он был мудрецом,
тот художник,
который приехал
на биеннале в Венецию, —
спящим
в собственной постели.

Он был независимым,
тот художник,
который неожиданно умер,
и после долгого размышления
выставил пустой гроб
на всеобщее обозрение.

В ДИСКУРСЕ САМОКРИТИКИ

Частенько
так бывает:
пишешь, пишешь
и чувствуешь,
что пишешь
абсолютную ерунду,
а все равно
пишешь и пишешь...

ИЗ ЦИКЛА «БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ СУЩНОСТИ»

ОТКАЗ

Обличий
у него много,
но на людях
он предпочитает
появляться
в бумажном виде.
За свои поступки
никогда
не отвечает.
Прячется
под фиолетовыми печатями
и заглавными буквами.
Умирает в архиве...
Там же
и возрождается.

КАТАСТРОФА

Любит шумные компании
и праздники.
Всегда
в центре внимания.
Боли не чувствует.
Смерти не боится.

Мемуаров не пишет
из-за отсутствия памяти.

* * *

Доказательство — мрачный тип.
По слухам
член какой-то
интеллектуальной группировки.
Хотя это и писано
вилами по воде.
Хобби у него
интересное:
коллекционирует
ошибки.
Как свои,
так и чужие.

* * *

Парадокс — большой оригинал.
Ни на кого не похож.
Кого-то это пугает,
а кого-то
просто смешит.
Не сердится,
когда ему говорят,
что никакой он не парадокс,
а всего лишь
обыкновенный смертный.
По жизни шагает уверенно.
Свет в конце тоннеля
не видит.
В начале — тоже.

* * *

Легко представить
мечту
в облике невесты.
Она примеривает
свадебное платье,
смотрится в зеркало,
делает
явное усилие,
чтобы улыбнуться.
Но вместо этого
начинает плакать
в три ручья
и тонет,
ибо не умеет плавать
по волнам своей памяти
и воображения.

* * *

Наши великие классики,
видимо, тоже
кое-что знали
о глобальном потеплении.

Октябрь уж на дворе...
Уже на пороге...
Уже в сенях...

А там, глядишь,
и ласточка с весною
в знакомое ей помещение
летит...

И зимы — как не бывало.

ФРАГМЕНТ АМЕРИКАНСКОГО КИНО

Road movie

Сгинул день
бессмысленный
и нервный.
Я остановился
в мотеле
и за вечер
прикончил
бутылку виски.
Какой марки?
Для артхаусного кино
это совершенно
не важно.

* * *

Вас когда-нибудь
выручала самоирония?
Нет, не выручала,
но я постоянно
чувствовал,
что она всегда рядом,
всегда со мной.
А на ринг вы себя
когда-нибудь вызывали?
Нет, не вызывал,
самоирония
меня всегда
удерживала
от этого
рискованного шага.

Поэт. Родился в 1962 году. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Печатался в журналах «Новый мир», «Арион», «Москва», «Дети Ра», «Юность», «Зарубежные записки», «Интерпоэзия», «Волга», «Зинзивер», «Новая юность», «Футурум АРТ», «Литературная учеба», «Крещатик», «Подъем» и других. Автор многих книг стихов и прозы. Победитель Международного поэтического конкурса «Перекресток» (Германия) журнала «Крещатик» (2007). Обладатель Специального приза Союза российских писателей Международной Волошинской премии за лучшую поэтическую книгу года (2010). Лауреат премии журнала «Дети Ра» за лучшую поэтическую публикацию года (2011). Лауреат премии литературной газеты «Поэтоград» за лучшую поэтическую публикацию года (2011). Лауреат премии газеты «Литературные известия» за лучшую поэтическую публикацию года (2014). Лауреат премии «Писатель XXI века». Член ПЕН-клуба (Русский ПЕН-центр), Союза российских писателей и Союза писателей XXI века. Живет в Воронеже.

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

ПРАВИЛА ИГРЫ

* * *

На расстоянии вытянутой руки —
страсти-мордасти, бешеные грехи,

пляски сосудов, ярый мотор на слом —
точно в какой кунсткамере под стеклом.

Солнечный заяц сквозь кучевую мглу
бесцеремонно прыгает по стеклу.

И несусветным прыгающим огнем
всей экспозиции выпотрошен объем.

Там врачевание подано широко —
божьей весны порывистый душ Шарко,

душного лета перистый Дарсонваль,
инъекционной осени стынь и сталь.

Но пуще прочих лечит одна зима —
хоть кровяные высохли закрома —

присных меморий беспроводная связь
мышце в груди потворствует, не таясь.

Это не дело — высверки наблюдать,
но подкупает легкая благодать —

руку протянешь — и воскресает свет
там, где отныне времени больше нет.

* * *

Тогда врывалась оттепель в умы,
и перспектива выглядела круто
по яростным окрестностям зимы
на юных раскладушках неуют.

В окне как будто зрела бирюза,
в крови без спроса музыка играла,
где партию клеймили за глаза
и уши до полярного Урала.

И на ура встречалась красота,
и сигаретки вспыхивали дико,
когда о жизни с чистого листа
на кухне танцевала Эвридика.

Аккорды никотиновой любви
горячей дрожью шли по средостенью...
Но как сплетенье нот не назови —
мелодия подергивалась тенью.

Скользило вдохновенье в никуда,
припев смолкал и пестовался снова...
И времени горячая вода
не приносила опыта иного.

Цвели красавиц шалые зрачки.
Заря теряла трепетные краски.
И набирало прошлое очки,
в реальность превращаясь по указке.

Но для поправки мятого лица
прекрасно шли сто семьдесят на рыло,
чтоб счастьем не предвиделось конца
и разочарованье не накрыло.

И на подпитке мир существовал,
порой припоминая для порядка
не почитавших сызмальства овал
и живших непростительно и шатко.

И если звук лукавил за окном,
Орфей с гусиной слаживался кожей
и думал о периоде ином
как переобувании в прихожей.

И отходил от мутного окна,
но все равно от опыта мутило,
где кухонная лампочка одна
пылала как последнее светило.

* * *

В. С.

Это Шамбола шалого эмбола,
утешенье блаватской бедой.
И без разницы — было ли, не было —
Рая и Горбачёв молодой.

Это как в заверкалье забвения —
нет ни смеха, ни плача уже.
Все наладилось более-менее
на хрущёвском еще вираже.

И банальны, и непритязательны
ранних опусов рифма и ритм,
но налет исторической патины
тем не менее неповторим.

МГУ, философский, издательство,
безалаберный Литинститут,
допотопное богоискательство —
даром если потом проклянут.

И с портфелем бухгалтерским следуя
души через культуру пасти,
он ни с правой не ладил, ни с левою,
но держал мирозданье в горсти.

Воспален семилукской смекалкою,
открылен индостанской жарой,
не смущался ни участью жалкою,
ни родимой землею сырой.

Там где оттепель, оторопь, каверза,
он отметился не для того,
чтоб навзрыд сокрушаться и каяться,
если понял почем волшебство,

а чтоб все оприходывать сызнава
и на запад умножить восток,
ведь у прежней политики вызова
обломался извечный шесток.

И выходит Христос на братания,
тянет Кришна улыбку к ушам,
чтоб в тени отдыхала Британия
и пришельцев позор иссушал.

Это дело приبلудного Рериха —
мухлевать с подоплекой судеб.
Это старого мира истерика,
это бархатный рис, а не хлеб.

Это знаки, что звуков полезнее,
где Охотный манит калачом...
Если спросят, при чем тут поэзия,
то поэзия тут ни при чем.

* * *

Несмышленных, ослепительных подданных
расставание не в силах отменить,
и для Клио, переклинненной на датах,
равноправна и оборванная нить —

задрожала, перетерлась, отлетела
в мир, что май себе не мыслит без труда,
а идея, как физическое тело,
до последнего дыхания тверда —

шелопутных, уморительных, нездешних,
колготой приближающих распад,
где в хрущёвских упоительных скворешнях
выясняли, кто на деле виноват —

это детство, это свинство, это ярость,
бесконечная тоска по волшебству
и уверенность, что Хронос — это Янус,
лица прячущий в июньскую листву —

а в безумье — это вроде как при деле,
чтоб играло и не видело дитя
то, как звезды беззастенчиво редели
и проваливались в прошлое шутя —

выцветали, забывались, исчезали,
чтоб слепые созерцатели светил
вдруг оказывались будто на вокзале,
где никто за расписанием не следил —

торопились, переругивались, перли,
направления меняли на ура
без пустого перехватыванья в горле
от невысказанного красивого вчера —

бестолковились, метались, попрекали
допотопным неумением поймать
птицу ненависти голыми руками,
кроя выпавшее в бога душу мать —

глупой парки беспорядочную пряжу,
«Нашей марки» несусветный никотин,
правоты необъяснимую пропажу,
запредельное усердие седин —

и протянутые в будущее руки
умывали заржавевшую водой,
и оправдывали ржавчину разлуки
сокрушительною божьей правотой.

* * *

Он отписал, что вскоре приедет вновь —
по боку гладь заезженного тепла —
это любовь — считается, что любовь —
так что была, как водится, не была.

Он расписал в подробностях про тепло —
это считается, будто бы зашибись.
Нужно себя одернуть — очнись, алло —
дабы душа как прежде стремилась ввысь.

Он приписал, что будто бы в первый раз
силится, но не сыскиваются слова,
и потому полна неуклюжих фраз
жуткой трухой убитая голова.

Ветром и пеплом пахнет его письмо,
освобождением — это зовется так.
Редкое счастье в руки плывет само,
и заскорузлым страхам цена пятак.

Нужно решаться делать безумный шаг,
подзабывая правильные пути.
И не печаль, что явится шум в ушах —
это считается нормой уже почти.

И наплевать, что жаба грудная съест —
ей чумовое сердце не по плечу...
Столько всего подмигивает окрест!
Стоит ли уподобливаться сычу?

Радость всегда возводится по пескам —
хрупкость и есть ее основной закон —
дабы депрессии не поджидал оскал,
нужно, чтоб с обрушением был знаком.

Ведь на поверку истина весела
и существует рядом помимо слез
вне построений углых добра и зла,
не позволяя видеть себя всерьез.

Нужно всего лишь знать имена тоски —
в русской рулетке ствол подносить к виску...
Но адресат решительно рвет листки,
определяя истину как тоску.

* * *

Где радио и телекомитет
справлял, как мог, поминки по застою,
разучивает опусы квартет,
над партитурой парясь непростою.

Теперь здесь музучилище и сплошь
трубой и скрипкой ломанные звуки.
И простаков охватывает дрожь
от перлов мелодической науки.

Когда-то в девяностых этот зал
вовсю сдавался под корпоративы.
И потому, как опыт показал,
быть может, эти лабухи и живы.

Там был банкет от имени страны —
хоть от нее осталось только имя —
и трубадуры, планами полны,
делились и бравировали ими.

Пылали речи, рушились дома,
в архив сдавались ветхие любви.
И развесной чернухи закрома
бойцов эфира радовали внове.

Они галдели, хряпнув по седьмой,
и утверждали хором, что свобода
теперь заходит как к себе домой
в жилища неразумного народа.

И есть ли выше ценность или нет,
вне всякого сомнения понятно.
И все бывшее видится как бред,
хоть и случались радужные пятна.

И если переправился во тьму
Союз как неусыпный соглядатай
почти десятилетие тому,
не худо спеть, внедривши по десятой.

А вместе с тем питомцы божьих нот
пусть подыграют — выгодное дело...
И подпрягались флейта и фагот,
припоминая «Мурку» ошалело.

Репертуар заказчику видней,
хоть он и сам на подыгрыше сроду...
Но душу грел скупой остаток дней
до перехода с пасквиля на оду.

* * *

Кто с многоточием, кто с точками над и
в смертельном сговоре пожизненно завис,
под знаком ветра препинанием воды
с неверной почвой объясняя компромис.

Все изменяется и якобы течет,
но время кривды — небогатая вода —
и точек в нем как ни крути наперечет,
и с восклицательными сущая беда.

Гуляет ветер по страницам темноты,
пустое слово выбирается на свет,
где полевые и военные цветы
как запятые презентуются в ответ.

Но то, что стебли — вопросительной дугой
и все в подпалинах седые лепестки,
цветет и пахнет пунктуацией другой,
где допущения убийственно легки.

И позволительно писать как умирать,
и брать в кавычки все, что вздумается, влет:
какая твердь, какая смерть, какая рать —
крошечный Хронос как по писаному врет.

Кто с правдой парится, кто силится тире
себе подобному поставить между дат...
И при обозе, при остроге, при дворе —
везде и всюду каждый сам себе солдат.

* * *

Где июнь куражится вслепую
с тополиной ватой во рту,
птица заговаривает пулю,
ветер закликает пустоту.

В землю, становящуюся пухом,
горький дождь уходит под углом,
и поет безвременье над ухом,
всуче поминая о былом.

Но когда по прихоти эфира
замирает радиоволна,
точно занесенная секира
тишина куражится одна.

Бредит ночь обрывками беззвучья,
созревает черное зерно.
Ожиданья выучка паучья
в средостенье теплится давно.

Все случится поздно или рано —
грянет голос, явятся хлеба,
из воронки летнего тарана
прорастет горячая судьба.

Седина пройдет по паутине,
солнце мертвых скатится в траву,
и не представимое доньше
высветится всюду наяву.

* * *

Точно у края дрожишь немоты,
где лишь коты и ночные менты
смотрят в глаза равнодушных светил,
чтобы невидимый не осудил.

Точно прощение в звездной пыли
выросло из кровожадной земли,
где под светилами зла и добра
только молчанье идет на ура.

Блещут погоны и дыбятся шерсть.
Смена обычно кончается в шесть.
И оголтелая гаснет луна,
точно любовь отпылала сполна.

И темноты отработанной свет
все продолжение сводит на нет,
даром что полнится кровью зенит —
больше за небом никто не следит.

* * *

Если впрямь в начале было слово,
тишина сомнительна в конце —
снова занимается и снова
радость на отеческом лице.

Пусть оно, не видимое всуе —
рокового вечера печать,
но свою закатную косую
с немотой нелепо совмещать.

Если речь продолжится за краем,
где перелетать в тартарары —
очевидно, правильно играем
без почтения к правилам игры.

И лицом без края не хлопочем,
и не сомневаемся почти,
что отец воздушный, а не отчим
перенаправляет на пути.

Он дает добро на хлеб и воду,
позволяет высказаться о
допотопных взглядах на свободу,
где со словом явлено родство.

Позволяет выпасть из обоймы,
перейти на шепот и на крик
и опять подначивает: «Спой мне,
заплутавший в сумерках старик».

И поем — верней, пою как ляжет
масть для оголтелого певца —
никакое сердце не прикажет
замолчать до самого конца.

И грохочут глупые куплеты
по камням почти уже в ночи
на подходе к набережной Леты,
где огни черны и горячи.

Поэт, филолог, культуролог, саунд-поэт, перформер, исследователь и теоретик русского авангарда. лауреат премии «Писатель XXI века». Основатель и президент Академии Зауми. Кандидат филологических наук, доктор культурологии, член Русского ПЕН-центра и Союза писателей XXI века.

В РАЗРЕЗ ВРЕМЕН

ЗАМЕДЛЕНИЕ

Ночной Москвой
от Жени Дыбского
из мастерской
мы шли
вдруг мерседесный трейлер
нам пересек пути
четыре фары бросили лучи
на полутемный сквер
чубайсовых лампад
в тот миг
здесь Лёша Парщиков изрек:
Нет, этот рынок нам
не близк!
И восклицательный поставил знак!
Ну что же
все было впереди
хотя на самом деле
всегда все позади
чего бы вы хотели
молниеносно
проходит все
и утопает
хотя
все топают как будто бы
вперед

но все-таки назад
но это ладно
чего уж спорить
Лёши нет давно
и только след
от трейлера
и нанотехнологий

2021-22

ПОЭТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ

Вспоминая Борю Останина

чудесным ленинградским днем
расплавленным асфальтом
передвигались в сторону
строения
нам Якобсон
я помню завещал
Останин Боря
прямо написал
что будет
«Поэтическая функция»
здесь были
сам ИвАнов Вяч. Вс.
его красавица жена Светлана
(она прекрасно чувствовала стих)
здесь Лёша Парщиков
Илюша Кутик
поэты школы языка из USA:
Лин Хиджинян
Баррет Уоттен
Майкл Палмер
знакомимся попутно
все возбуждены
витают ароматы кофе
алкоголя сигарет
но вот Аркадий
открывает заседание
переходя с английского на русский
и наоборот
вот Дима Пригов
вполуоборот

еще не Дмитрий Александрович
тогда мы не сговариваясь с Вяч. Вс.
спросили у него,
читал ли он Глазкова
и он сказал,
конечно не читал,
но может быть слышал?
нет не слышал,
что невозможно было
в Москве,
но если очень хочешь,
то возможно
о чем позднее иронично
Всев. Ник. Некрасов часто повторял
меж тем
Аркадий заливался соловьем
и укрощал строптивых
докладчиков
диктаторски вполне
а как вы думали
когда вы на волне
атд
итд...

2020-2023

МОСКВА — ПЕКИН

*Посв. академикам Академии Зауми
Ван Цзунху и Лю Вэньфэю*

Москва — Пекин
летим-летим
Бейджин Бейджин
бежим-бежим
в метро просторно
и светло
как будто небо
подошло
как будто солнце
мимо туч
бросает
в подземелье луч
а это свет идет
от лиц
и речь

как будто
пенье птиц
как будто
шелестенье
трав
особый строй
особый нрав
Москва – Пекин
летим-летим
Бейджин Бейджин
бежим-бежим
я вижу здесь
Пекина лик —
многовелик!

2019

АЭРОПОРТ. ОСТАНОВКА В ПУТИ

Люди в аэропортах —
это выючные животные.
Мы
верблюды верблюдицы
и ослы и ослицы
(если угодно)
из прежних времен
в сейчас перемещенные
даже больная девочка
на коляске
увешанной сумками
а прекрасные дамы в парандже
их тоже не миновала
судьба верблюдиц
или кобылиц
несущих поклажу
к Check-in
о всемогущий Check-in
о вездесущая регистрация
о бесконечное сканирование
лица-взгляда-пальцев
всего тела...

2023

РУССКИЕ ПОЭТЕССЫ

и восходят русские поэтессы
и произносят неизреченное
и за ними над ними
полотно неба
растянуто в вечности
строк строение
сплетение строк

Анна Марина Елена
Ксения Мария Ольга
Белла Новелла Юнна
Тамара Наталья Римма
Юлия София Майя
Нина Маргарита Ирина
Светлана Олеся Татьяна
Вера Надежда Любовь

2022-23

Поэт, эссеист, филолог (доктор филологических наук), автор многих терминов, описывающих новые реалии современной поэзии: монопалиндром, кругозвучие, омограмма, метрофоника, интегральный стих и др. Живет в Курске и Москве.

...ДО НЕПРОКАЯННЫХ ПОР, ПОКА... (стихотворения о пространстве Времени)

ЩИГОР!

«щигор!.. щигор!..» —
на давней-давней переправе
/взъерошенной/ реки Щигор
щепоть земли, подброшенной
до чистых щеголей вверх
/или щеглов/,
и брызги, выброшенные тогда еще, —
они щигористо-горнисты /в мыслях, в играх/
в высях...
мы дышим ими здесь в Щиграх,
мы дышим этой влагой многовековую
с тех пор,
и в звуках этих,
в природных песнях-ритмах
пунктиром чувствуется /щемящее/,
звнящее откуда-то из-за веков:
«щигор!.. щигор!.. щигор!..»
/все горше/

* * *

инет, инет...
суета лап /в воздухе, худ зов/
в палате у стен.
и тени.

ВЫЙДЯ ИЗ ДОМА...

Анатолию Афанасьеву

...ТОЛЬКО-ТОЛЬКО
выйдя из дома,
не нами определенного,
стеклянного,
углового, —
выхаживаю и выхаживаю
из угла в угол кварталов,
квадратов,
вынашиваю
то, что во мне осталось
/от/,
идя
/до/,
ухаживаю,
приударяя слегка
за мыслями — послевкусиями
разнотравных разговоров наших,
что рождались однажды,
как одна
/начальная/
/начальствующая/
строка...

ДАВИДУ БУРЛЮКУ

вспомните,
как тонко
и точно
искусно поставленный
на карту источник,
как вставленный новый глаз
в глазницу Земли,
камень видит
неповоротливый... и...
нет, не давит его,
но
взглядом
и слезою кристальной
точит,

в итоге
Давид
одолеет голиафа —
великана неповоротливых устоев,
то есть,
говоря иначе,
в воды мирового океана,
как в великую чашу
будущих новых идей и красок
бурлящих здесь и сейчас
нельзя войти...
дважды,
но однажды войти
вселенной обязаны
все,

все:
и
канатами или тесемочками традиций
повязанные се,
и
вперед смотрящими названные се,
и всем дарованная
парящая в воздухе музыка,

и, наконец, о, Муза
с движениями в своем животе
еще не
рожденного груза —
во всей своей новой
неодинокой
красе!..

* * *

снежинка
неповторима
в кристалле своем красивом
но когда падает в реку
кричит

мы кричащие не слышим
/даже говорящие не слышим/
и шепчущие нежности тоже не слышим

рыбы
слушат

страдают от /криков/ кристаллов
предсмертных криков
при переплавке
при их мгновенном слиянии
с океаном

ты и я
сольемся с океаном тоже
мы и сейчас слиянные
но
это совсем иное
/и/

пусть океан будет нескоро
хотя

я вижу его /иногда/ сквозь туман
когда
удается забраться на мачту
/и увидеть ветер/

однако роза /ветров/
все дело в ней
в розе
твоего дыхания

дыши
будь неповторима как сейчас
и повторяй за мной
и отвечай
...
дышу
тобой

ДВА ВОПРОСА

Отче, мучился...
Отчемучился...
(автоэпиграф)

родственные
/родные
или двоюродные/
вопросы
«отчего»
и «почему»...
/никак я их не отниму
у
мечты!..
их вообще не отнять,
ибо они/
складываются
в
«отчему?»»

этот вопрос —
впрос,
вброшенный —
брошенный миру Отчему
или отложенный
/в этих картинных играх/
впрок
/в перебор,/
до тех непрокаянных пор,
пока,

отмученный
от какого-то ложного прока,
/кто-то/
уставший устами
от змеиных своих языкастых проказ,
/доктором леча
или драконно летая,/
не зная, во сне ли,
/или/ в яви живя,
литпропа жвачку жуя,
монотонно молится
/вами — /
лит-молитвами
миру Отчему:
«Отче!.. му...»

(Курск / Москва)

**Примечание автора: строки, слова, сегменты текста, которые заключены в косые скобки /вот так/, необязательны, т. е. их можно оставить в тексте, но можно и исключить из чтения.*

Поэт, музыкант. Родилась в Ленинграде. Живет в городе Мендиг (ФРГ). Член Союза писателей XXI века. Любовь Берёзкина публиковалась в журналах, газетах и сборниках, в том числе: литературный журнал «Викинг — литературный Новгород», «Невский альманах», альманах «Откровение» (Ивановский отдел СПР), сборники под редакцией В. Ф. Чернова «Здравствуй, муза» и «Свет зари», а также сборники издательства «Нордост» (СПб) «И звезда с звездою говорит» и «Русь, взмахни крылами», «Антология русскоязычных поэтов — 2000» (Мюнхен), антология «Прощание с Вавилоном. Поэты русского зарубежья» (2014), альманах «Третий этаж» (Берлин, 2018), «Берега. Берлин», «Крещатик», «Русский глобус», «Твоя глава», «Семь искусств», «Ренессанс» (Киев), «Парус», «Зинзивер», «Поэтоград», «Сетевая словесность». Авторские книги «Раскрыть стихотворение и взять... » (изд. «Стеклограф», М., 2020), «Сорок+» («Издательство Евгения Степанова», М., 2023). Лауреат международного фестиваля «О России с любовью», Прага, 2021, фестиваля «Звезда Рождества 2016» (Запорожье), фестиваля «ЛитКузница 2021» в номинации «Иностранная поэзия», межрегионального конкурса «Яблочный Спас» им. Е. П. Гусева, 2021, финалистка международного конкурса им. И. Н. Григорьева, 2014, дипломант фестиваля «Звезда Рождества 2014», конкурса «Есть только музыка одна» памяти Дм. Симонова, 2021, шорт-листер «Хижицы 2020».

ИЗ БУДУЩИХ СЛОВ

МАГРИТТ

Наслал метель бумажный зимний голем,
вот только небо прирастает полем,
и нищий свет разбогател надставкой,

изрезан ветер болью тугоплавкой,
зализан сумрак радостью скупой,
и взгляд сидит на ветке голубой,
как ласковая птичка Силлин Брин,

и смотрит слух, как в зеркале за взглядом
колдует серебристый пилигрим
над костяным и кожным циферблатом.

ВЕСНА

холодная нынче весна
мне вспоминается детство

отрешенный взгляд матери
слезы отца

РАЗГОВОР

потайная щель
немоты

тенью
коснулось облако

наклонила голову
птица

сухая листва
шелохнулась под деревом

* * *

Наши руки сплетаются с ветром в ночи,
наши руки — сирень, бузина,
и во тьме пропускают меж ними ткачи
невесомое пламя свечи
(эта светлая нить — тишина).

Наши волосы спутаны крыльями птиц,
наши волосы — вязь паутин,
и речами ключиц, и молчаньем ресниц
мы выходим из Божьих зениц
сквозь шафран, базилик, розмарин.

Мы выходим на миг, чтоб рассыпаться в прах,
мы выходим из всех берегов
на семи златоглавых влюбленных холмах,
наша плоть — как листва на ветвях,
наши губы — из будущих слов.

И другие, которые снились до нас
и роняли во тьму голоса,
смотрят с той стороны из мечтательных глаз,
как дрожит и сорвется сейчас
с тонкой ветки живая слеза.

* * *

Нецелованность глины —
эту майскую малость
на тревожные травы не рви,
может, с нею подвздошная нежность осталась
от бессвязного взгляда любви,
от прозрачного яблока жизни и смерти,
притяженья людских сердцевин,
от того, что незрячее облако чертит
за сургучной печатью причин,
от сирени, расправившей парус у дома,
где ты, призрак (не более, чем),
обживаешь пружинную суть метронома,
персть от света и воздуха возьмь.

* * *

Чем накормишь ты хлебные раны
мокрым ветром примятых полей?
В небе вороны бьют в барабаны
из натянутой кожи ночей.
Помолчим, не прогнув половицы
на голодных ладонях дождя
и немые стеклянные спицы
под холодную нить заведя.
Только вздох или взмах или всполох,
потерявший мгновениям счет,
как беспамятный, мечется в долах
и никак до утра не заснет.

* * *

Исход травы, блуждание песков...
И падает на дно сухих кустов
случайный жест как нежная награда,
как выстраданный голос листопада,
услышанный откуда-то извне
из воздуха в полуденном огне,
из жалобы разбереженных листьев,
и только время продолжает литься,
в ее прожилках разгоняясь втай,
пока другие тщетно ищут край

безглазой бездны, безголосой жажды,
и, светом оперенный, теплит каждый
живую каплю необжитой тьмы,
где, до смерти устав от пререканий,
влюбленные поля плывут в тумане
и слову повинуются холмы.

* * *

По небу чье-то облачко летело,
как будто бы душа, покинув тело,
как выдох из предсмертья посреди
еще не завершеного пути,
и ей, как прежде, нужен свет и воздух,
тепло печи, нечаянные звезды
ей нужен голос тихий и родной,
окрашенные инеем ресницы,
и оклик одинокой мертвой птицы,
и бабочки порханье неживой.

* * *

Зима случилась посредине лета:
покой, дожди, прохладный ветерок,
и вдалеке, как добрая примета,
с утра мелькает солнца мастеров.

Уткнувшись лбом в невидимую стену,
прозрачный воздух дремлет: тишь да гладь,
выходит одиночество на сцену
и забывает, что с нее сказать.

* * *

По водной глади проводи рукой,
почувствуй, как она целует кожу,
как проникает атом золотой,
приставленный к ее речному ложу,
в тугую кровь, текущую назад,
к исходу инолюбца в иноверца,
и как в нее заходит листопад,
и, оживая, вспыхивает сердце.

* * *

Осень, ворующая твой сон,
светлые мысли на темных пятнах, —
только они создают заслон
от расставания, это понятно,
понятно, что будет совсем не просто,
веки поднимешь, и — ты в безусловном прошлом,
ночь, полирующая взглядом звезды,
не знающая, что поступать так — пошло;
жара не спадает, августовский постскрипtum,
климат такой — почти, как в Ростове,
и я ухожу к ленинградским скрипкам,
перебивающим на полуслове —
понятно, наверное, тоже, кому-то...
Выкуришь две и дрожишь над третьей,
выполненной из чистого перламутра,
нежности, музыки и бессмертья.

* * *

Осенний свет заказывает песто,
и от листвы осталось много места
свободного и мокрого к тому ж,
пустоты обживает проблеск чуда,
и Божья тень, и клавиш «Ундервуда»,
и снов очаровательная чушь.

Скудельный сад — почти свистулька-птица,
что продолжает медлиться и длиться,
и наша радость в клюве у него,
вот — сел и головой беззвучно вертит,
а мы глядим из времени и смерти
и жизни выдыхаем вещество.

* * *

Пока в большом почете каждый штрих
и будущность не выглядит провальной,
прошу тебя: разделим на двоих,
как белый облак, облик аморальный.

Над бедной рифмой сколько не язви,
извилины вывихивая денно —
мы ни о чем, когда не о любви,
а прочее сейчас второстепенно.

Раз Бог дает, неужто мы умней,
идя в отказ с оглядкою на нравы?
Распутство грех, но как ты скажешь ей,
шагнувшей в небеса на три октавы:

— Зачем пришла? За дверью обожди.
Ведь станет ждать (с поправкою на ветер),
и вот уже мы старые почти,
а прячемся за буквы, словно дети.

И я прошу тебя, ее, Его,
ручную тьму, прокуренные звезды,
и нежное осеннее родство,
как невесомость, впрыснутое в воздух.

Поэт, прозаик, публицист, издатель, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Зинзивер», «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премии журнала «Нева». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

И ПРИШЛА ПОРА ИНАЯ

В ЭТИ ДНИ

Только боль-и-страдания,
Только слезы одни.
Никакого желания
Говорить в эти дни.

Бес лютует пожарищем,
Кровожаден, упрям.
Что скажу я товарищам,
Плачущим матерям?

Что скажу я заплаканным
Детям? Всюду — беда.
А священникам, дьяконам
Много нынче труда.

2022

ПОСЕЛОК

Мне отключить бы радио
И память поскорей.
Что это, ампутация
Души моей?

Нет, это шанс единственный
Не спятить невзначай
И тихо жить средь лиственниц,
Берез, односельчан.

2022

МОЙ ПУТЬ

Доводят до апатии, не радуют меня
Все эти ваши партии и ваша болтовня.

Ни с этими, ни с теми я, мне проще — одному.
И никакая премия мне, право, ни к чему.

Но радуют высокая, красивая сосна,
И кошка желтоокая, и девушка одна.

И оживаю вроде я, как травы по весне,
И тихая мелодия опять звучит во мне.

2022

СЕЙЧАС И ПОТОМ

Я грешный человек-дрова,
Я стану черною золою.
Я грешный человек-трава,
И плоть моя срослась с землею.

Я вешний человек-вьюнок,
Тянусь в заоблачные выси.
Я был бы счастлив, если б смог
Родиться — в будущем — в Тбилиси.

2020

МАНХЭТТЕН

В памяти все как-то валом свалено —
Будто в закромах судьбы стою.
Я смотрю «Манхэттен» Вуди Аллена —
Вспоминаю молодость свою.

Звонкими и знойными, особыми
В памяти остались времена..
Шел с работы — между небоскребами
Мне светила спелая Луна.

Шел домой — счастливый. Если честно, я
Был удачлив; шли мои дела.
Женщина ждала меня чудесная.
Это правда — женщина ждала.

2024

В ИНОЙ И НЕЧАЯННОЙ РЕЧИ

От дома родного далече,
В иной и нечаянной речи,
С любимыми соснами врозь
Полжизни прошло, пронеслось.

Стараньями Боба, Жан-Жака
Я не потерялся, однако,
Прижился на землях чужих,
Иных постигая чувих.

Стараньями Сержа, Патрика
Я видел насколько многолика
Прекрасная эта земля,
Шептавшая мне — «О-ля-ля!»

Я видел, а все же без дома
Я был в состоянии надлома,
А дома и редька — халва,
О, счастье родные слова!

2021, 2022

ДО-И-ПОСЛЕ НАС

«И с отвращением читаю жизнь свою...»

А. П.

Парсуна — не для масс. Фортуна — профурсетка.
Все сказано до нас доходчиво и метко.

То, что сейчас, — превью. То, что потом, — громадней.
Читаю жизнь свою и вижу рай-и-ад в ней.

Ручьи кипучих фраз становятся как реки.
То, что сейчас, — на час. То, что потом, — навеки.

А, может быть, и нет? А, может, все иначе.
А нынче первоцвет проклюнулся на даче.

Апрель как новый старт. А примула как прима.
А жизнь, почуяв фарт, как смерть, неотменима.

2022

БАБОЧКИ В СТАРОДАЧНОМ ПОСЕЛКЕ

Я знаю: жизнь и боль синхронны.
Я вижу: нестандартный сад,
Малаховские махаоны
Порхают над

Травой, которая живая,
Тропой, в которой сгусток бед.
...И я порхать, не уставая,
Хотел бы, но силенок нет.

2022

ЮГ

«Белеет парус...»

М. Л.

На ранее счастливом юге — печальный почерневший шлях.
Душа — в коротенькой кольчуге — идет — скорбя — на костылях.

Душа идет — одна — и плачет, истерзана зело, всерьез.
И слез отчаянных не прячет, огромных, точно вишня, слез.

Душа, уставшая от дури земной, твердит безумью: «Геть!»
Душа давно не просит бури и хочет не идти — лететь.

Душа идет — необогрета — суд над собой — молясь — верша.
И т а й н у Нового Завета узнать пытается душа.

2022

ВОЙНА ВАЛЮТ

Язык — зэка; свободы мало.
И рифма кровь—любовь достала.
Любовь... И кровь течет утрат.
И Танат смотрит, как пират.

Парад-алле войны гибридной
Меж баксом и рублем, и гривной,
Циничная война валют.
Отложен праздничный салют.

Чадит война, забыв о чуде...
Воюют деньги, гибнут люди.
И очень много сорных слов.
И очень много скорбных вдов.

И как-то все перемешалось;
Война, душевная усталость,
И жизнь, и слезы, и ковид.
И шар земной кровотоцит.

2022

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ПАРЩИКОВА

...И стою, как конь, в загоне я.
Завываю, как собака.

Дайте мне чуть-чуть мельдония,
Чтоб разрушить сервер мрака.

Всюду — ложь и мощь пиарщиков,
Врущих, устали не зная.

И ушел волшебный Парщиков,
И пришла пора иная.

2015, 2024

Прозаик, журналист. Родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала замредактора Сибирского информационного агентства, затем редактором отдела новостей, обозревателем отдела права в редакции газеты «Молодость Сибири», затем собственным корреспондентом «Комсомольской правды» в Сибири. Является лауреатом премии КП «Лучший дебют», номинировалась на звание лучшего собкора. С 1998 года жила в Канаде, 14 лет, с 2003 по декабрь 2017 года, издавала газету «Комсомольская правда в Канаде» — единственное СМИ в стране, которое писало о России с уважением и любовью, настаивало на традиционных ценностях и было ненавидимо местными бандеровцами и русофобами. Канадская «Комсомолка» являлась идейным вдохновителем Бессмертных полков в Канаде и сборов помощи дет-домам и больницам Донбасса. С января 2018 года в Торонто издавала газету на английском языке «York Region Review». В марте 2020 года газету закрыла в связи с пандемией. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде — «А хочешь в Канаду?» и «Полное накрытие». Сборники хорошо разошлись и получили теплые отзывы читателей и статьи в русскоязычной канадской прессе. Автор многочисленных публикаций в России. Член Союза писателей XXI века с 2023 года. Живет в Санкт-Петербурге.

В КУПЕ

(Рассказ)

ПРОЗА

Она вошла в купе, посмотрела на попутчика веселыми, дерзкими глазами и громко сказала: «Здравствуйте!» В свои семьдесят пять лет он отвык от прямого взгляда молодых женщин. Все они смотрели мимо. Впрочем, незнакомка лет двадцати шести-семи в деловом костюме вовсе не выглядела нахальной. Она смотрелась, скорее, женщиной, не стесняющейся без причины.

Она повесила винного цвета пиджак на крючок, и на нем блеснул значок «Пресса».

Женщина с полминуты разглядывала пейзаж за окном, но, видимо, она не переносила безделья. Достав газеты, снова взглянула ему в глаза и спросила: «Читать будете?».

— Спасибо, через часик почитаю, — ответил попутчик смущенно.

Старик ей понравился: большой, седой, с редким, исконно русским лицом, с синими глазами под густыми и почему-то не поседевшими бровями. Наверняка ему скучно, но боится показаться навязчивым.

— Тогда, может быть, чаю попьем? — спросила.

— Давайте. А я вас угощу ватрушками, мне супруга положила.

Он стал разворачивать белейшую льняную салфетку, в которой оказались ватрушки, сваренные вкрутую яйца и свежие огурцы.

Глядя на неторопливые движения его рук, она подумала: породистый старик. И жену назвал не «бабка» и не «старуха», а «супруга». Еще она не подумала, а скорее почувствовала, что в молодости у ее попутчика, наверное, было немало женщин. Она давно заметила, что мужчины, которые действительно пользовались успехом у женщин, галантно и бережно

относятся к слабому полу. И кто знает что было вначале — вот эта их черта награждалась женской любовью или они награждали женщин уважением за то, что те предпочли их всем остальным?

— Сейчас принесу чай, — сказал он, вставая.

— Нет, это я принесу, — поспешно встала она и стрелой выскочила.

Они пили красный, пахучий чай в железных подстаканниках и знакомились. Ее звали Инга, она была журналисткой. Было видно, что она уже много раз отвечала на вопросы о работе. Сейчас она говорила о том, что едет из командировки и везет отличную фактуру для статьи. Она поведала о чем именно будет эта статья, и ее попутчику действительно было интересно слушать. Статья замышлялась о любовной драме, и по тем акцентам, которые она сама незаметно для себя расставила на протяжении рассказа, ему уже стало ясно, что он сидит в купе вовсе не с синим чулком, который курит, пьет кофе и живет лишь своей работой, а с женщиной, которая обожает свое дело, связанный с ним успех, и берет от жизни все, чтобы, вложить впечатления в работу.

Жажда жизни лилась из его собеседницы в каждом слове, она понимала что местами проговаривается, рассуждая о любви, и возможно, порочит свою репутацию, ведь он все-таки представитель другого, более аскетичного поколения... Она понимала также, что проговаривается особенно тогда, когда дает оценки участвовавшим в любовной истории мужчинам. Инга говорила о них нежно и насмешливо, как женщина, которая не раз бросала мужчин, была благодарна им за все то удовольствие, что они ей доставили, однако не забывалась до такой степени, чтобы оставить их около себя навечно.

— Замечательные ватрушки печет ваша жена, — неожиданно заключила она свой монолог, подумав, что болтает лишнего.

— Ну так на третий раз натакался, — улыбнулся он.

Ее рука, протянутая к стакану, на миг замерла, она опустила глаза и улыбнулась своей догадке. В следующий миг она взглянула на него с дружелюбным лукавством сообщницы и тут же опустила глаза — все-таки он ей не ровня по возрасту.

— А что с теми, первыми двумя женами? — спросила.

— Первая служила со мной в одном полку, погибла в конце войны, вторая оказалась пьющей, не смог отучить, — просто ответил он.

— А которая сейчас — хорошая?

— Хорошая. А вы замужем?

— Как вам сказать, — растерялась. — Ну будто бы...

Он молчал, ожидая продолжения. Повисла пауза.

— Я, наверное, сейчас вас огорошу... — она набрала в грудь воздуха для храбрости и посмотрела на него упрямыми глазами ребенка, который по общему мнению нашкодил, но сам так не считает. Она видела, что он ждет пояснений, и не сводя с него испытующих глаз, произнесла скороговоркой:

— Я разведена, но муж приходит ко мне, потому что надеется, что все у нас еще будет. На самом деле не будет, но мне его жаль, и я принимаю. И еще у меня есть человек, который действительно для меня сейчас муж, он очень любит меня, заботится обо мне, и я его тоже люблю. В общем, я как бы незамужем и замужем одновременно за двумя.

Повисла пауза. Инга покраснела.

— А почему бы вам не выйти за этого, нового мужчину? — осторожно спросил старик. — Если не хотите, можете не отвечать...

Она помолчала, раздумывая, как бы приличнее ответить на этот вопрос. Но поскольку хитрить и облекать правду в красивые одежды Инга не умела, то ответила снова откровенно:

— Ну тогда же... Все... Тогда ведь уже конец... Никого уже больше у меня не будет. Врать я не умею, жить с мужем и изменять — жестоко. Вы думаете мне нравится та ситуация, что сложилась у меня сейчас? Но я ее разрешу обязательно, вот сейчас вернусь домой и окончательно скажу мужу «нет».

Старик ждал продолжения, и Инга пояснила:

— Если выходишь замуж, так надо жить честно. А коли чувствуешь, что честно не получится — так повремени. А честно у меня не получится, по крайней мере сейчас. Фаина Раневская говорила: «Семья заменяет человеку все. Вот и выбирайте — все или семья». Я выбираю «все». Ведь если замуж, то... уже все... это уже получается, что... навсегда... или по крайней мере надолго... Получается, что я обещаю... и надобно держать слово... и... такая тоска... вся жизнь отгораживается занавесом... Есть люди, которые потом, когда любовь проходит, начинают изменять, обманывать. Другие, обделяя себя всю жизнь, хранят верность. Я не хочу никому врать, но я также не хочу хранить верность, если любви уже нет. Я видела немало женщин, которые упиваются верностью нелюбимому и ждут награды, а тому-то уж и все равно — он ведь ее тоже не любит и верность ее не оценит. Лучше я сразу не выйду замуж, чем так жить.

— Никогда не выйдете? — улынулся старик.

— Ну, может быть, когда-то и выйду, — кивнула Инга. — Толстой говорил: «Только тот брак хорош, который непреодолим». Я пока такого не встретила. Мне, знаете ли, и с ними хорошо, и без них.

Она быстро взглянула на старика, проверяя, не слишком ли цинично прозвучали ее слова, и продолжила:

— Вы, наверное, думаете, что я легкомысленная. На самом деле у меня было не так уж и много романов. До замужества не было вовсе, после развода было три коротких, теперь четвертый... При моей профессии это не много.

Она посмотрела на него наивными и честными глазами, проверяя — понимает ли.

— Надо, знаете ли, учитывать профессию, — сообщила Инга, видя, что старик слушает. — Иные дамы в конце жизни гордятся: у меня был только муж. А просто ей никто ничего и не предлагал. Другая отвергла 96 из ста, так, по-моему, она больше заслуживает уважения. У нее были соблазны, и она их практически поборолла. А те четыре могли быть реальным чувством, за что осуждать? Но она осуждает себя и думает, что она не такая честная жена, как та клуша, у которой за всю жизнь никто ничего и не попросил.

— Но мы не об этом, — продолжила Инга, уже перестав краснеть и как будто махнув рукой на то, что подумает старик. — Я поняла, что нет любви к одному человеку на всю жизнь. Ну чтобы он умер или покинул тебя, а ты всю жизнь любила и ни на кого более не смотрела. Тот, кто раз любил, еще десять раз полюбит, потому что так уж устроено его сердце. Это даже не от объекта любви зависит — достойный он или нет, а от тебя самого, насколько ты можешь и, главное, хочешь любить. Ну, батарейка у тебя на сколько рассчитана — от этого зависит.

Она помолчала, подумала о чем-то и добавила:

— Если есть в тебе жажда, то излиться она может на любое существо рядом, вовсе и не достойное. Чем и объясняются браки «красавиц и чудовищ»: женщине просто хотелось любить. Общие дети, хозяйство и общественное мнение цементируют отношения. В итоге —

склеп готов. Так вот: я полюбила, но я знаю, что это пройдет... И даже когда я люблю пламенно. И это пройдет. А жаль. Так уж пусть это пройдет без развода.

— Так что же, не жениться вовсе? — осторожно спросил старик.

— Жениться, — вздохнула женщина. — Но только по совету Толстого. Когда уже нет иного пути.

— Но разве вам не трудно одной?

— А я не одна. Это в браке я была одна.

— Но ведь потом, когда вы расстанетесь с...

— Сашей...

— С Сашей, вы останетесь одна. Не будет вам плохо?

— Ну, во-первых, одна я вряд ли останусь, — Инга виновато улыбнулась, будто извиняясь за самоуверенность. — Я уже пробовала остаться одна — не дают. Знаете, замуж выходят одни и те же. Если ты одному-двум нужна, так ты и всем нужна. А одному не нужна, никто на тебя и не смотрит. У мужчин стадный инстинкт.

Что же касается моих ответных чувств, то они у меня тоже будут, так как глаза у меня устроены особенным образом, как у всякого творческого человека. Мне нравятся многие. И не потому, что они такие хорошие. Они... я вообще не знаю какие. А потому что мое воображение делает их особенными.

А во-вторых... Я думаю, все мы одни. Всегда. В короткий период любви мы теряем это ощущение, а потом оно снова приходит. И только оно и есть правда. Как бы тебя ни любили, а уходишь ты из жизни в одиночестве.

— А если он... мужчина, не согласен чтобы все закончилось?

— Убьет себя, застрелится, повесится? — развеселилась Инга. — Да ни в жисть! Мужчины — страшные эгоисты. Они только обещают, а сами вешаются лишь от алкоголизма. Нормальные мужчины с разбитым сердцем идут домой плакать, водку пить и рассказывать «какая она стерва». И потом, я же работу провожу...

Видя, что старик удивлен, женщина пояснила:

— Ну вот одному я даже уколы ставила — В6, В12, чтобы успокоить нервную систему...

— Помогло?

— В какой-то степени. Я же заранее начинаю подготавливать — говорить, что, мол, ничто не вечно под луной, что я, дескать, большая ветреница — я готова взять вину на себя и даже чуть-чуть себя оклеветать — ему так легче будет расставаться. Я вообще-то добрый человек, жалостливый... Подготавливаю: начинаю появляться неухоженной, глупости всякие про себя говорю. Это ж только кокетство, когда женщина утверждает, что не может от любовника отвязаться. Всегда можно преподнести себя так, чтобы убежал... Но это крайний случай. Я имею дело с нормальными мужчинами, которых не надо доводить до таких крайностей. Постепенно от себя отдаляешь — и все...

Дверь в купе с шумом отворилась, и появилась проводница.

— Обедать будете?

— Нет, спасибо, — отозвалась Инга и вопросительно взглянула на старика.

— Я тоже не хочу, — сказал тот. Он думал о чем-то своем.

Дверь захлопнулась, и какое-то время спутники слушали стук колес и смотрели на пролетающие мимо березы.

— Я открою окно? — спросила Инга и, после утвердительного кивка, открыла окно и выставила из него голову. Ее светлые кудри развевались на ветру, она силилась открыть глаза против бьющего ей в лицо ветра.

Села со словами: «Люблю ездить».

— Так выходит, по-вашему, любви нет? — спросил старик.

— Есть! Конечно, есть, — возразила Инга. — Она просто короткая и придумана самим тобой. Каждый любит как умеет. Сердца — типа памяти в компьютере. У одного сердце на один гигабайт, у второго на четыре. Вот встретились они и любят друг друга всем сердцем. Только сердца разные... И тот, у кого больше, никак не может понять: как же можно любить вот так ничтожно?

Инга взглянула старику в глаза и пробормотала:

— Я боюсь вы поймете меня не так...

— Нет, я все понимаю как надо, — быстро сказал он. — Но зачем? Ты... не боишься?

Она смотрела на него во все глаза. Она была будто чем-то потрясена. А она действительно была потрясена. Сейчас перед ней сидел не старик, а тот, кем он был много лет назад — молодой мужчина, привлекавший немало женщин. Он сидел, привалившись к стенке купе, и в его расслабленности было нечто сильное и по-мужски красивое. Его глаза блестели, взгляд был тверд и пронзителен, на лице — ни морщинки. Или это полумрак так меняет внешность? Наваждение...

Она естественно восприняла вырвавшееся у него «ты». Потому что сейчас они были одного возраста. Она правильно поняла вопрос: зачем тебе нужна смена мужчин, ведь ты отнюдь не легкомысленна и не порочна.

Тихо и взволнованно она стала говорить:

— Вообще-то... это не так уж и часто. Я не признаю любовь как вид спорта или от скуки. Она опустошает. А меня любовь должна — напротив — наполнять. Как чернильницу, понимаете? Может, это звучит дико... но так надо. Потому что нигде ты не познаешь человека так быстро и глубоко, как в любви. Ты можешь работать с ним годы, а узнать всего за несколько часов, что вы вместе... Я вовсе не хочу сказать, что для того, чтобы написать об убийце, надо убить. Нет, должно быть чувство меры, но все-таки нужно много знать и переживать, чтобы писать... И где возможно пережить, надо переживать...

Они молчали и смотрели друг на друга.

— Выходи замуж, а? За этого, которого ты сейчас любишь, — сказал он. — Я точно знаю, что можно плохо кончить... А он будет тебя беречь.

— Плохо кончить — это и есть выйти замуж, — упрямо произнесла Инга.

Он смотрел на нее властно и — одновременно — восхищенно. Странно, но его молодость не проходила. Инга вгляделась, и ей стало жутко: волосы попутчика были просто светлыми, а не седыми.

— А если потом никого не найдется? — спросил он.

Она пожала плечами.

К вечеру стало душно, и они открыли дверь. В коридоре никого не было, все уже спали. Она взяла полотенце, зубную пасту, щетку и пошла в туалет. Потом вернулась, стала стелить. Ее попутчик пошел в том же направлении, и она воспользовалась его отсутствием, чтобы раздеться и юркнуть под простыню.

Когда он вернулся, она еще не спала, и он почувствовал это. Открыл бутылку лимонада и налил в ее стакан. Она привстала, чтобы взять стакан, и услышала прямо над собой:

— Будь осторожна... хорошо? Ты можешь забеременеть, заболеть от кого-нибудь, кто-нибудь может отомстить за твой уход, попросту убить...

Она подняла голову и снова увидела молодого и красивого мужчину. Она уже не удивилась, она привыкла, что их купе — пространство без времени. В свете фонарей, которые мелькали в темноте за окном, освещая его фигуру, он казался исполином. И этот исполин стоял и ждал ее ответа.

— Я не встречаюсь с мужчинами, от которых можно заболеть, — залепетала она, смущенная его близостью и нелепостью этой близости. — К тому же, есть средства... И не так уж и много у меня этих самых мужчин, влюбляться чаще раза в год невозможно...

Он будто не слышал.

— Я хочу, чтобы у тебя все было хорошо. Как твоя фамилия? Я буду тебя читать.

— Любимцева.

— Замечательно! — рассмеялся он.

Поезд издал гудок, и Инга, засыпая, слушала стук колес — самый любимый ее звук. Это был голос командировок, следующих за ними публикаций, идущих за ними читательских писем. Это был звук неизвестности, в которую она всегда отправлялась с охотой, готовая с радостью принять и хорошее, и плохое, только бы оно впечатляло и дало ей возможность написать что-то новое и интересное. Это был звук будущего, которое дарило ей чудесные встречи и любовь, романы и развязки — все, что наполняло радостью ее бытие и утоляло жажду объять мир. Это был звук, напоминающий, что жизнь не вечна, и минуты вот так же бегут по рельсам, и надобно успеть собрать на себя все солнечные лучи — человеческое тепло самого разного вида: читательское, мужское. Успеть собрать и затем, входя в ту или иную мужскую судьбу, светить ему и оставлять кусочек луча в его сердце после своего ухода. Стук колес был звуком непостоянства — вечного движения к новому никогда не успокаивающейся души.

Ее попутчик лежал и думал о том, что время иногда рождает людей, предназначенных друг для друга, со слишком большим разрывом, порой — в века... И это лучше, чем родить с разрывом в пятьдесят лет, потому что ты никогда не узнаешь, что твой единственный или единственная появятся веке в двадцать втором, и не будешь тосковать. А вот если встретишь, когда уже одной ногой на краю бытия...

Так вот, если в поезде времени, следующем в никуда, ты, глядя устало в окно, вдруг выхватишь в толпе лицо единственной своей возлюбленной... Если ты выхватишь взглядом лицо женщины, которая могла бы стать ею, но, увы, твой поезд не делает остановок... Если ты видишь, что она, как и положено единственной, узнала тебя и растерялась... Досада, грустное удивление и радость оттого, что ты все-таки видел ее — вот удел пассажира поезда, следующего к конечной станции.

Когда она проснулась, старик уже пил чай и шелестел ее газетами. Он деликатно не смотрел, когда она красилась. Купе было залито утренним ослепительно-белым светом. Инга посмотрела на попутчика и увидела... ветерана. Семидесяти пяти лет от роду. Поезд вот-вот должен был прибыть на станцию назначения, и он уже оделся. На пиджаке у него позвякивали ордена и медали. Он поднял голову от газеты и приветливо улыбнулся.

— Кажется, подъезжаем?

— Да.

В последующие полчаса они не произнесли ни слова, а только глядели в окно на проплывающие мимо деревья. Вспомнив было о вчерашнем, она тут же отогнала это воспоминание с досадой, как если бы подумала о чем-то нехорошем. Старик вчера показал себя проникательным, и ей казалось, что если она будет подробно вспоминать о том, каким он вчера был молодым, он почувствует это, а это... неприлично, гадко.

Поезд дернулся и замер. Когда в коридоре послышался шум выносимых из купе чемоданов и выходящих из вагона людей, она, взяв сумочку, в нерешительности остановилась... Как попрощаться? Невозможно, совершенно невысказанно взять с этим приятным человеком

вчерашний тон равных по возрасту людей, но и сказать ему «до свиданья», будто ничего не произошло, было бы трусливо и обидно для них обоих.

— Я рад, что познакомился с вами, — первым начал он, и она видела, как сияют его глаза.

— Я забыл сказать вам, что меня зовут Иван Дмитриевич М-в. Я родом из Сибири, там жили мои сосланные предки, вы, конечно, знаете декабриста М-ва. Может, будете в наших краях?.. Я, к сожалению, необразован, может быть, вам было неинтересно со мной?.. После войны поступил в техникум и потом работал только на простых должностях, руками. Так сложилась жизнь...

— Мне было интересно с вами, — сказала она.

— Я буду вас читать, — добавил старик. — Я запомнил вашу фамилию.

— Спасибо.

Она опустила глаза и только сейчас заметила, что его ноги выглядят странно.

— Протезы, — пояснил Иван Дмитриевич. — Это я прикрыл свою первую жену, очень ее любил, а она все равно потом погибла. Вы очень похожи на нее. Если бы она выжила, она бы меня потом бросила. Не из-за ног, а просто... Но я бы согласился, только бы жила...

— Разве вас можно оставить? — спросила Инга, задумчиво глядя на него. Потом добавила:

— Оставить, наверное, можно всех. Меня тоже. Но вас можно оставить, только пробыв с вами долго. Значительно дольше, чем с другими.

Она тут же смутилась, ей показалось, что волосы у нее на голове зашевелились от сказанного, и бросив «всего доброго», она буквально выбежала из купе, чувствуя спиной его ошалевший взгляд.

— Ну что за молодежь пошла? — в купе ввалился его однополчанин Константин Михайлович Дудко. — Летит стрекоза, не видит никого, а еще прилично одета, чуть с ног не сбила и даже не извинилась. Я уже час тут твоего поезда жду, запоздал ты, братец.

Иван Дмитриевич не отвечал. Он сидел за откидным столиком купе, уронив лицо в руки и ощущая, как горит оно и ладони. Солнечные лучи капали сквозь его пальцы на столешницу.

Поэт, прозаик, публицист, издатель, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Зинзивер», «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премии журнала «Нева». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ

ПИСЬМА-АВТОГРАФЫ ТАМАРЫ ЖИРМУНСКОЙ

Стихами Тамары Жирмунской, классика русской поэзии, я увлекся лет в четырнадцать, с тех пор, как сам стал писать стихи и всерьез интересоваться поэзией. Благо, у отца были подшивки популярного журнала «Юность», и я всех шестидесятников там охотно читал...

Я тогда и не думал, что стану редактором-издателем. И познакомлюсь со многими известными поэтами, и даже буду их печатать-издавать.

36 лет моей работы подарили радость общения с замечательными и талантливыми людьми.

Я дружил с поэтом Вадимом Ковдой (он жил и в России, и в Германии), он частенько заходил ко мне в гости в редакцию — и в Знаменский переулок, и на Кожевническую улицу.

Именно Ковда и напомнил мне о Тамаре Жирмунской, которая к тому времени уже несколько лет проживала в Мюнхене.

Я попросил Вадима, чтобы он передал от меня привет Тамаре Александровне.

Такое и началось наше личное общение с известной поэтессой.

27 октября 2011 года я получил такое письмо:

«Уважаемый Женя! Спасибо за то, что делаете благое дело — это раз. Спасибо и за то, что позвали (напечататься в журнале «Дети Ра» — *Прим. Е. Степанова*) через Вадима Ковду и оказались на месте. Надеюсь, наш первый литературный контакт превратится в литературную дружбу.

Даю Вам свой литературный сайт. Если что-нибудь из него Вам приглянется — напишите. Я пришлю Вам Ваш заказ. Удачи! Тамара».

Я стал постоянно публиковать стихи и эссе Тамары Жирмунской в своем журнале «Дети Ра». Издал ей несколько книг, в том числе Избранное из всех написанных ею поэтических сборников. Все стихи мы сканировали из предыдущих книг, а потом делали сверку или вручную набирали. Это была очень большая и ответственная работа, которой Тамара Александровна осталась довольна.

Виделись мы однажды. В один из ее приездов домой, в Россию, она пришла к нам в редакцию.

Невысокая, худенькая, умная, доброжелательная. Очень обаятельная.

16 февраля 2012 пришло такое письмо:

«Уважаемый Женя! Спасибо за публикацию моего Эренбурга в "Дети Ра".

10 апреля исполнилось бы 75 лет Белле Ахмадулиной. Посылаю Вам воспоминания о ней. Тамара».

Эти воспоминания мы тоже опубликовали в журнале «Дети Ра».

Потом было еще немало писем, в основном делового свойства. Тамара Александровна очень хорошо понимала, какие книги она хочет издавать, как они должны выглядеть.

Характерно в этом смысле письмо от 1 июля 2015 года:

«Дорогой Женя! Сердечное спасибо за выполненное обещание. (Я обещал прислать макет ее книги на согласование. — *Прим. Е. Степанова.*) При беглом просмотре нашла одну неувязку. Из "Бразильской тетради" включила в книгу только два стиха: "Игра в гольф" и "Ванька мокрый..." Два других: "Ю.Н." и "Прекрасно и увядание..." сюда не относятся. Завтра, со свежими мозгами, прочитаю всё обстоятельно.

Мы с Вами, по-моему, не говорили о цвете и материале обложки. Мне хотелось бы темно-красный цвет и материал под бархат. <...>

Еще раз благодарю Вас и Вашу помощницу» (Анну Романюк. Это она верстала одну из книг Тамары Жирмунской. — *Прим. Е. Степанова.*)

Через несколько часов — 1 июля 2015 — пришло новое письмо:

«Женечка! Анна (верстальщица Анна Романюк. — *Е. С.*) уже запросила меня в друзья (в запрещенном ныне фейсбуке. — *Е. С.*). Я дала согласие. Обычно я отказываю, вернее, ничего не отвечаю, потому что не могу охватить столько людей.

Тем более незнакомых. Муж болен, масса домашних дел и пр. Но тут другое дело. Благодарю Вас за заботу. Можно один вопрос? Мне показалось, шрифт в верстке очень мелкий. Он таким и останется? В книжке Дударева (Валерий Дударев (1965–2018), поэт, редактор, издатель, который издавал одну из книг Тамары Жирмунской. — *Е. С.*), взятой за образец, шрифт был, по-моему, крупнее. Я близорукая, хорошо вижу мелочь. Но мои ровесники и потенциальные читатели обычно дальнзоркие. Анну стесняюсь спросить. Виктор Шкловский, который вел у нас "Литературное мастерство", предупреждал: "Не задавайте глупых вопросов!" Помню это всю жизнь. Извините, взбрело в голову. Можно ответить в пятницу. Тамара».

А это письмо от 14 июля 2015 года:

«Вы, милый Женья, видите сквозь стены. Я тоже пришла к выводу, что обложку надо делать нормальную — как у Дударева, у Пушкина. Не знаю, что такое "с ламинацией", но всецело доверяю Вам. Цвета мы с Аней уточнили. Вторую сверку я вчера ей послала. Саша (Сандра Мясникова, дочь Т. Жирмунской, писатель. — *Е.С.*) очень скоро будет на месте, прилетит 19-го и сразу Вам позвонит. Еще раз спасибо за снисходительность и терпение. Тамара».

Через два дня — 16 июля 2015 года — новое сообщение:

«Дорогой Евгений Викторович! Спасибо Вам за Аню. Как Вы и обещали, она всё сделала тщательно и в срок... Меня волнует вопрос, как будут крепиться листы к моей книге.

Нитками или только клеем? В книге-малютке, которая вышла у меня в ЯНИКО 19 лет назад, я углядела нитки. Но та меньше по объему и страницы меньше. До сих пор как новенькая.

Саша должна прилететь в воскресенье к вечеру. По какому телефону Вам позвонить или как связаться из дому? Дома она, думаю, будет часов в 8–9 вечера.

Счастливого оставаться.

Тамара».

20 февраля 2016 я получил последнее письмо от Т. А. Жирмунской:

«Дорогой Женья! Жду Вас с нетерпением 5 марта в 17 часов в библиотеке семейного чтения. Метро Пионерская. Адрес: Кастанаевская ул., 52. Не так давно библиотека объявлена Библиотекой-центром Фазиля Искандера. Я там не была, но Саша (Сандра Мясникова. — *Е.С.*) рассказала, что в этом небольшом помещении есть комната, где на одном стенде собраны книги и фотографии Фазиля, в зале проходят встречи, посвященные его творчеству, т.е. положено начало будущему музею. Фазиль, слава Богу, жив. Но болеет. Недавно вернулся из Боткинской больницы. Обычно возит его на машине сын Саша (его мы называем Сандро из Москвы), но не уверена, что сейчас такое путешествие Ф.И. по силам. Однако жена и дочь Фазиля обещали быть.

6 марта ему исполнится 87 лет. Я расскажу о нашей многолетней дружбе. Подарю музею одно мое эссе, написанное к его пятидесятилетию, когда он был не в чести у официоза за участие в альманахе "Метрополь", и другое — вступление к книге, где напечатаны стихи о любви Фазиля к его жене и ее стихи о любви к нему. Антонина Искандер — серьезный поэт. Тираж книги — 100 экз. Есть в компьютере электронная библиотека imwerden Андрея Никитина-Перенского, где умелые читатели могут открыть и полистать эту книгу.

О своей книжке, вышедшей в Вашем издательстве, тоже, конечно, расскажу. Почитаю оттуда стихи. Саша обещает после всего фуршет.

Пригласить всех достойных людей невозможно. Шлю избранным приглашения через "секретку". Многие обидятся. Но что делать?!

Ваша Тамара».

Через некоторое время Тамара Александровна заболела и ушла в иной мир.

А книги ее остались. И ее светлый образ всегда с нами.

Поэт, пародист, издатель. Ответственный секретарь «Иерусалимского журнала». Родился в 1949 году в г. Невель Псковской области. Окончил Витебский станкоинструментальный техникум. Служил в войсках ПВО (1968–1970). После службы в армии окончил Ленинградский политехнический институт (1976) и работал мастером, начальником цеха на Витебском заводе часовых деталей, преподавателем в средней школе. Живет в Иерусалиме с 1990 года. Стихи, пародии и проза печатаются в израильских, американских, европейских, российских журналах и газетах.

ПАРОДИИ НА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ И ДР. ПОЭТОВ

ПИИТИЧЕСКОЕ

*А теперь для сравнения возьмем пиита
Под глазами мешки голова не мыта
По карманам исписанные тетрадки
На лице все признаки лихорадки*
Дмитрий Легеза

А когда на прием ко мне приводят пиита,
Я прошу медсестру принести корыто,
Чтоб устроить ему головомойку,
Отучить ходить сочинять на Пряжку и Мойку.
И еще эффект при хорошей клизме —
Выбить мысли все о соцреализме.
Мне пиитов лечить легко, скажу напрямую,
Потому что знакомо все — я же сам рифмую...

ПАРОДИИ

ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОЕ

*Казалось — на дороге ни души,
но я-то знала: поджидают трое.*

.....

*Дрожали ноги. Я из школы вышла,
кусок трубы неся наперевес.*

Ольга Аникина

Мне помнится, как школьною порою
я отбивалась от шальных парней.
Там их лежать осталось только трое
у страшных безымянных гаражей.
Я и теперь не очень мускулиста,
но в сумочке, чтоб если б да кабы,
Для критика и даже пародиста
Ношу, друзья, все тот кусок трубы.

СЛОВОЕННОЕ

*Когда в душе светло и больно,
и недалеко до беды,
слова приходят добровольно —
ты только ставишь их в ряды.*

Евгений Сливкин

И вот как будто бы солдаты
стоят мои слова в строю.
Напротив, с видом грустноватым,
почти что маршалом стою.
Слова — солдаты неплохие,
когда они в моих стихах.
Боюсь, что критики лихие
нас разобьют и в пух, и прах.

СПАСИТЕЛЬНОЕ

*До тебя один Поэт,
дуэлянт и Бог,
тоже ждал здесь мой совет
на меже эпох.*

Владимир Борискин

Как-то ждал один Поэт
в зимнюю метель
от меня один совет,
выйдя на дуэль.
Я б сказал: — Послушай, брат!
Что тут за возня?
Пусть французский супостат
выстрелит в меня.
Перед тем, как, ё-моё,
он нажмет курок,
прочитаю я свое —
два десятка строк.
Волю дам своим стихам,
и воскликнув: — Ох!!
тот Дантес загнется сам
на меже эпох!

СТИХОПОСОБИЕ

*Если пахнет вином от поэта,
от поэта сбежали стихи...*

Евгений Каминский

Нету тайны страшнее, чем эта,
Стихотворцам известна она:
Если пахнет вином от поэта,
То ему, как поэту, — хана!
Если тянет к стихам — потерпите,
Пить не стоит, а если — никак,
Алкототестер, поэты, купите,
Но надежней писать натошак.

КРУТОЕ

*И все-таки один читатель — Бог —
Есть у поэта. И вот это — круто.*

Евгений Степанов

Вчера, друзья, ни спать, ни есть не мог,
Страдал, как никогда, но понял — дожил:
Мои стихи уже читает Бог,
И от восторга хлопает в ладоши.
От счастья я совсем лишился сил,
Одно тревожить стало лишь под утро,
Вот как бы он к себе не пригласил,
Не думаю, что это будет круто!

ЗАБИВАЛЬНОЕ

*Живи для всех! Забей на все!
И открывай любые двери...*

Алексей Чернышов

Прочел, Алёша, строки эти,
но понимаю их с трудом:
Возьмешь забьешь на все на свете —
и фиг откроешь дверь потом!

**Наталья Морсова, «Пушкин. Лермонтов.
Невольники дерзновенного духа».
Избранное. Публицистика, эссе.
М.: «Вест-Консалтинг», 2024**

Пушкин и Лермонтов. Два великих поэта. Два мира, без которых немислима русская поэзия. Как получилось, что оба гения были убиты на дуэли? Были ли они знакомы при жизни? Как относились к творчеству друг друга?.. На эти вопросы подробно отвечает историк и журналист Наталья Морсова. Противопоставляя судьбы двух гениев (первая часть книги посвящена Пушкину, вторая — Лермонтову), автор в итоге объективного исследования все же приходит к грустному выводу: «...оба они, избранные небесами на стремительный, но прерванный на излете полет и на закление — заложники исполинского духа и гениальности; гениальность держала их на сладостном, коротком поводке — от мук поэтического труда до всенародной славы, — и удушающе крепко сжимала в своих безжалостных объятиях».

Публицистический текст призван анализировать жизненные ситуации, ставить вопросы и давать на них однозначные ответы, тем самым формируя читательское мнение. Жанр эссе, в свою очередь, предполагает личностный подход к раскрытию темы, транслируя авторский взгляд на конкретные вопросы и не претендуя на объективность. В этом смысле сборник очерков и эссе Натальи Морсовой представляет собой результат взаимодействия двух начал: с документальной точностью она реставрирует события, дополняя текст фотоиллюстрациями, и доносит до нас свою точку зрения, используя деликатные, но однозначные формулировки, не допускающие ни малейшего оттенка двусмысленности.

Описывая историю создания стихотворения «Памятник» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»), автор с горечью признает: знаменитое произведение появилось на свет, когда Пушкин находился в тяжелой жизненной ситуации. Он говорит о недопустимости поэта изменять ниспосланному ему свыше дару пророчества. О том, что предназначение поэта — говорить правду, какой бы неприглядной она ни была. Правду — в самом высоком, библейском значении этого слова. А в это время «доброхоты» склоняли фамилию поэта на разные лады — мол, роконосец... Он будто бы кричит в пустоту — о бесстрашии, о жертвенном служении истине, о том, что поэт не имеет права жалеть себя. А за его спиной шушукуются. Ползут безобразные сплетни про Наталью Николаевну. Интриганы так и ждут — когда же терпению поэта придет конец? Пушкин слишком велик, чтобы его можно было уничтожить давлением «общественного мнения», но, зная его слабое место — безумную влюбленность в супругу — можно довести его до отчаяния. Медленно, но надежно — подбрасывая гнусные анонимки, распуская отвратительные слухи...

Устанавливая доверительный стиль общения с читателем, автор, тем не менее, ставит своей задачей не развлечь, а просветить читателя. Ее профессионализм не вызывает сомнений. Наталья Морсова — журналист, педагог, исследователь творчества русских классиков, кандидат

исторических наук. Ей есть что сказать. Авторская речь течет свободно и плавно, полная стилистических приемов и фигур речи, но мы этого как бы не замечаем, ведь предмет высказывания столь интересен! Идет ли речь об истории образа Бабы Яги в русских сказках или, как в очерке «Мышиная возня у подножья памятника Александра Пушкина», о «критике», призванной смешать с грязью имя поэта, автор отстаивает свою позицию. Она выступает за вечные ценности, которые у русского человека никому не отнять. И не просто на словах декларирует, но готова вступить — как за Пушкина-человека, который уже не в силах ответить лично критикану, так и — не меньше! — за великое русское слово. Горячо реагируя на т. н. «критику» в адрес поэта, она возмущается: «Прошло 225 лет со дня его рождения. В горниле истории давно истлело «грязное белье» Александра Сергеевича. Потомкам осталось богатое наследие — могучее СЛОВО русского гения. Давайте будем наслаждаться лучшими творениями Пушкина — поэта!».

Существует мнение, что эссе — легкий жанр, а стало быть, пишущему можно не утруждать себя сложностью формулировок. Вот только просто — не значит примитивно. Просто — это доступно, образно и вместе с тем — глубоко серьезно. К примеру, рассуждая в эссе «Пушкин и Глинка» о влиянии творчества А. С. Пушкина на русскую музыку, Наталья Морсова подробно рассказывает о жизни и творчестве композитора, о его знакомстве и дружбе с поэтом, а потом подводит итог: «Имена двух гениев — Пушкина и Глинки — неразрывно связаны между собой. Что их объединяет? Оба они горячо продвигали русскую национальную культуру, отчего имели много врагов. Наперекор неразвитому у соотечественников чувства Родины, они прививали любовь к Отечеству, веру в русский народ. Их дружба — созидательная — длилась десять лет, а в творчестве своем они сплелись на века». И снова — о ценности русского слова и любви к Родине. Собственно, и книга об этом. О том, что во все времена великие поэты подвергались гонениям. И о том, что если мы хотим оставаться русскими не только по паспорту, мы не имеем права забывать, что для нашей истории и культуры означают эти великие имена.

Что же касается Михаила Лермонтова, то Пушкин был его кумиром. Удивительно, что они с Пушкиным состояли в дальнем родстве, хотя Лермонтов этого не осознавал. О Лермонтове автор пишет не только с почтением, но и с горечью, поскольку судьба молодого поэта складывалась весьма драматично. Сравнивая судьбы Пушкина и Лермонтова, нельзя не отметить, что последнему «повезло» гораздо меньше: не было у него ни влиятельных друзей, ни красавицы-жены. Один, всю жизнь один... Если Пушкину удалось при жизни вкусить и читательского успеха, то Лермонтову и этого не довелось, а после смерти многие стихотворения были утеряны... Обо всем этом Наталья Морсова рассказывает с беспристрастностью историка и с почтением, свойственным ее высокой нравственной и гражданской позиции.

Что подвело поэта к роковому шагу? Можно ли было избежать конфликта? Анализируя причины этой дуэли, Наталья Морсова резюмирует: «Стала ли безобидная шутка причиной дуэли? Конечно, нет. Над Мартыновым посмеивались многие, считали его глупым, хоть и хорошо образованным, трусливым и бесталанным. В образе Грушницкого, убитого на дуэли, все увидели до невероятности схожего сослуживца. Завистливый и заносчивый, Мартынов давно затаил обиду на Лермонтова, решил — не дать поэту дожить до всемирной славы и погубить на дуэли». Это правда, но... всего лишь часть правды. Наталья Морсова приводит на страницах данной книги более смелую, однако имеющую под собой все основания версию — Михаил Лермонтов стал жертвой спланированного преступления: «Сбивчивые показания защитников Мартынова и самого Н. С. Мартынова указывают на то, что истинную подоплеку дуэли они знали, но скрывали. Может быть, Мартынов ока-

зался удобным орудием исполнения чужой воли?..». Хотите верить, хотите — нет, но факты вопиют. Будто бы все предвещало: Лермонтову предстоит повторить трагическую судьбу Пушкина...

Тема «последней дуэли» красной нитью проходит через эту книгу. В разных контекстах то Пушкин, то Лермонтов в этой книге предстают как фигуры драматические, заранее обреченные на гибель. И — недостижимые. Мелкие интриганы давно канули в Лету, а творчество двух гениев не меркнет и сегодня. Их произведения вошли в школьную программу. Их стихотворениями признаются в любви. Одни читатели говорят, что больше любят Пушкина, другие предпочитают Лермонтова. Неоспоримо одно: «Оба они — родоначальники современного русского литературного языка, высокой его культуры и тонкого вкуса, совершенного поэтического обрамления литературного слова. Бесстрашные радетели русской культуры в битвах на крутых изломах судьбы боролись со всем тем, что душило их пламенные сердца и великие помыслы, литературным трудом они воздвигли себе нерукотворный памятник».

Ольга ЕФИМОВА

**Дмитрий Артис, «Дневник добровольца»
(Военная проза XXI века)
Москва: Яуза-каталог, 2024**

«Мы живем каждый в своей реальности, и войны у нас разные. Сколько человек на войне, столько и войн. Сотни тысяч войн с одной стороны и сотни тысяч — с другой».

Дмитрий Артис «Дневник добровольца»

Читая «Дневник», я начала делать для себя пометки — особенно зацепившие фразы, то, что хотелось непременно запомнить. Когда поняла, что выделяю в текстовом файле подряд страницы от первой до последней строки — бросила.

На мой взгляд, прочесть «Дневник добровольца» стоит всем, кто умеет читать. Как заметил в предисловии Захар Прилепин, «это еще и самоучитель того, как выживать на войне. Из какого бы времени вы ни читали эту книгу — она вам может пригодиться». Я бы добавила, что она учит выживать и после войны — тех, кому повезло вернуться. Она подробно рассказывает о важном матерям, женам, подругам, ждущим дома своих героев. Она отрезвляет романтиков и задевает за живое скептиков, многое объясняет сочувствующим и все раскладывает по полочкам для сомневающихся. А главное — дает шанс понять хоть что-нибудь тем, кто ни черта не понимает. Это настоящая Литература, напроочь лишенная литературности.

Здесь нет дневникового пафоса, нет бахвальства, нет ложной скромности, замешанной на искреннем самолюбовании. Нет многого, чего зачастую не удастся избежать авторам, которые обращаются к этому жанру. Но есть гордость и рожденная ей сияющая радость. Есть Любовь. Есть философия Любви и ее свет.

«На войне без любви делать нечего. Любовь к женщине, детям, родителям, любовь к Отечеству. Она движет русским солдатом, дает ему волю к победе».

Артис настолько виртуозно владеет писательским ремеслом, что в коротких заметках, на которые он тратит бесценные в полевых условиях проценты телефонного заряда, вроде бы сама собой появляется драматургия. Его однополчане, доблестные русские воины («один был фермером, другой вором, третий дальнобойщиком, четвертый студентом») даже в отсутствие сюжетных перипетий сразу становятся зримыми, живыми, вызывающими целую палитру эмоций. Сухие факты превращаются в яркие эпизоды, серьезные размышления — в законченные новеллы, ироничные наблюдения — в анекдоты. Кажется, именно это и называется талантом. Да, юмору на войне тоже вполне найдется место. И не только черному. И совсем не истерическому, не пограничному. Вообще, если бы кому-то пришло в голову составить частотный словарь «Дневника добровольца», подозреваю, что слово «смеюсь» оказалось бы там в самом начале списка.

В этой книге очень мало собственно войны. Солдат защищает Родину, автор «Дневника добровольца» — сознательно или нет — бережет еще и своих читателей, не выплескивая щедрой рукой рефлексирующего художника на их чувствительные рецепторы во всей полноте — запахи войны, звуки войны, вкусы войны, чужую кровь и собственную боль. Все это не столько прочитывается, сколько считывается, угадывается, иногда, сквозь.

«Война способна открыть в человеке его лучшие качества, которые в условиях мирного существования пылятся за ненадобностью где-то глубоко внутри. Война — это самое прекрасное, что произошло со мной за пятьдесят лет жизни».

Проза, написанная Поэтом, читается почти как стихи. Ее язык легок, в ней есть ритм, она запоминается целыми абзацами. По понятным причинам, в «Дневнике добровольца» Дмитрий Артис придерживается сформулированного им самим правила трех «нет»: *«В моих записях нет привязки к местности. В моих записях нет позывных командного состава. В моих записях нет рассказов о поставленных и выполненных боевых задачах».* Что, наверное, оставляет без удовлетворения чье-то сиюминутное любопытство. Но дело в том, что «Дневник добровольца» — в принципе не про сиюминутное. Хотя иногда сложно отделаться от мысли, что точно помнишь, как у тебя прошел день, отмеченный в «Дневнике». Это тот случай, когда читаешь буквально только что написанное, понимая, что читаешь уже классику.

Наталья ТЕБЕЛЕВА

«Зинзивер»
(Санкт-Петербургский литературно-художественный журнал)
Издательство «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 500 экз.
Сдано в набор 22.02.2024
Подписано в печать 29.02.2024